

избранныя басни

И. А. КРЫЛОВА

школьное изданіе

подъ РЕДАКЦІЕЙ

Дм. Ив. Тихомирова.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

MOCKBA

Типографія К. Л. Меньшова, Бол. Чернышовскій пер., д. Духовского 1903

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ книгу съ баснями Ивана Андреевича Крылова. Эти произведенія пробуждаютъ интересъ у людей всѣхъ возрастовъ, они не теряютъ актуальности и въ наши дни. Въ своихъ басняхъ Крыловъ высмѣивалъ человѣческіе недостатки — трусость, лесть и угодничество, несправедливыя отношенія между людьми.

Въ нашемъ изданіи приведенъ текстъ произведенія въ соотвътствіи съ изданіемъ отъ 1903 года ¹ съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

-

¹ Крыловъ, И.А. Избранныя басни И.А. Крылова: Школьное изд. / Подъ ред. Дм. Ив. Тихомирова. – 2-е изд. – Москва: тип. К.Л. Меньшова, 1902. – XXIV, 85, [3] с.; 19. – (Библіотека «Дѣтскаго чтенія»). На обл. загл. сър.: Дешевая б-ка «Дѣт. чтенія»; дата: 1903.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА

ШКОЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Дм. Ив. Тихомирова.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА

Типографія К. Л. Меньшова, Бол. Чернышовскій пер., д. Духовского 1903

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА

ШКОЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Дм. Ив. Тихомирова.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

Москва, Б. Молчановка, д. № 24, редакція журналовъ «Детское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ»

MOCKBA

Типографія К. Л. Меньшова, Бол. Черышовскій пер., д. Духовского 1902

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

(Родился въ 1768 г., умеръ 9 ноября 1844 г.)

Знаменитый русскій баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ съ дѣтства ранняго и до зрѣлыхъ лѣтъ прожилъ въ нуждѣ, терпѣлъ разныя житейскія невзгоды. Отецъ его, бѣдный армейскій офицеръ, служилъ сначала въ Москвѣ (гдѣ и родился Иванъ Андреевичъ), а потомъ переведенъ былъ въ Оренбургъ. Воспитаніемъ ребенка здѣсъ почти вовсе не занимались: отецъ — на службѣ, мать — за домашнимъ дѣломъ, школъ нѣтъ, учителей нанять не на что, да и взять ихъ въ такой глуши не гдѣ.

Во время Пугачевщины вся семья едва спаслась отъ лютой смерти. Послъ усмиренія бунта, отецъ покидаетъ военную службу, ъдетъ въ Тверь и поступаетъ въ приказные.

Мальчику-Крылову было тогда лѣтъ восемь. Ребенокъ растетъ на полной свободѣ: бродитъ по городскимъ улицамъ, толчется на пристани между бурлаками, на базарѣ межъ крестьянами. Отецъ только и могъ выучить сына кое-какъ читать да писать.

По одиннадцатому году мальчикъ остался сиротою, а вся семья — безъ кормильца-работника. Изо всъхъ силъ выбивается мать, чтобъ снискать семьъ

пропитанье, — работаетъ, читаетъ по покойникамъ Псалтирь, ищетъ милости для сына (онъ старшій изъ дътей) у людей богатыхъ и чиновныхъ. А мальчикъ оказался на ръдкость способнымъ, проявилась въ немъ и большая охота къ ученью. Послѣ отца только и осталось наследства, что сундукъ съ разными книгами, и юный Крыловъ читалъ и перечитывала ихъ съ жадностью; доставалъ онъ книги И покровителей, гдъ только было возможно. Въ семьъ чиновника Н. И. Львова Крылова приласкали, подучили и даже французскому языку научили. Надо бы заняться ученьемъ серьезно, но семья бъдствуетъ, мать изъ силъ выбилась, приходится думать не о наукъ, а о хлъбъ насущномъ.

По четырнадцатому году Крыловъ определяется писцомъ — сначала въ уъздномъ городъ, потомъ въ Твери, а послъ перебирается со всей семьей въ Петербургъ; здъсь онъ получаетъ жалованья 25 рублей ассигнаціями въ годъ.

Много труда, много нужды и горя видълъ Крыловъ въ своей жизни, пока не выбился на настоящую дорогу. Но нужда и всяческія невзгоды не заглушили въ немъ хорошихъ стремленій, не убили и природныхъ дарованій. Крылова съ молоду не прельщало ни богатство, ни чины, не стремился онъ къ почестямъ и славѣ; дороже всего на свѣтѣ почиталъ онъ просвѣщеніе и съ жаромъ стремился къ пріобрѣтенію знаній. Безъ посторонней помощи, самоучкой старается онъ добыть себѣ хоть какоенибудь образованіе, вникаетъ въ науки, внимательно и прилежно читаетъ русскія и французскія книги,

изучаетъ русскихъ писателей и иностранныхъ. Знакомится Крыловъ съ умными и образованными людьми.

Чтеніе, природная наблюдательность, горькій очень Крылова рано заставили жизни надъ тъмъ, что есть въ людяхъ призадуматься хорошаго и дурного. Въ немъ рано пробудилась и охота поразсказать другимъ, что онъ вычиталъ изъ книгъ, что замътилъ кругомъ себя въ жизни. Еще на четырнадцатомъ году онъ сочинилъ комедію, въ которой осмъивалъ невъжество людское и грубость, обиженныхъ слабыхъ. защищалъ И Въ свободныя отъ службы и другихъ занятій минуты Крыловъ сочиняетъ стихи, пишетъ комедіи для театра. Живется ему плохо, во все же онъ рукъ не опускаетъ и борется съ препятствіями, сколько хватаетъ силы.

Только 37 лѣтъ Крыловъ вышелъ на свою настоящую дорогу. Въ 1805 году онъ написалъ первыя три басни, и онъ заслужили всеобщее одобреніе. Года черезъ четыре напечатанъ былъ уже цѣлый сборникъ басенъ, такъ мастерски, просто и умно, живо и интересно написанныхъ, что на Руси такихъ до этого никогда и не слыхали. Нарасхватъ читаются басни; ученые И знатные люди ищутъ знакомства баснописцемъ, къ себъ въ домъ его приглашаютъ. Россійская Академія Наукъ признаетъ, что «сочиненія Крылова служатъ истиннымъ обогащеніемъ украшеніемъ словесности россійской». Крылова библіотекаремъ определили Публичную ВЪ библіотеку, дали ему казенную квартиру, въ которой онъ и прожилъ почти до самой своей смерти. Отъ

Государя назначена Крылову пожизненная пенсія въ полторы тысячи рублей. Баснописца часто и во дворецъ къ царскому столу приглашаютъ, и всѣ съ наслажденіемъ слушаютъ его мастерское чтеніе басенъ.

Тихо и мирно, въ довольствѣ, и славѣ протекаетъ вторая половина жизни знаменитаго баснописца: должность библіотекаря не хлопотлива, содержаніе достаточное, а Иванъ Андреевичъ не прихотливъ, любитъ больше всего покой: онъ всю жизнь свою холостякомъ прожилъ. Время, отъ времени Крыловъ пишетъ новыя басни (всего онъ написалъ 200 басенъ), является въ кругу высшаго общества, живетъ въ тѣсной дружбѣ съ знаменитыми въ то время литераторами (Жуковскій, Карамзинъ).

На долю Ивана Андреевича Крылова еще при жизни выпала рѣдкая честь: онъ первый изъ рускихъ писателей удостоился торжественнаго чествованія въ день пятидесятилѣтія его трудовъ литературныхъ, и Государь Николай Павловичъ приказалъ выбить въ честь Крылова медаль съ его портретомъ.

Скончался Иванъ Андреевичъ 76 лѣтъ и съ большими почестями былъ погребенъ въ Александро-Невской Лавръ.

И до настоящаго времени никто не превзошелъ знаменитаго баснописца въ сочиненіи басенъ. Басни Крылова — живые, остроумные, занимательные разсказы; написаны онъ простымъ народнымъ языкомъ, и для всъхъ одинаково понятны; все въ нихъ русское — люди и нравы, добродътели и пороки. Крыловъ горячо любилъ родину и передалъ

эту любовь въ своихъ басняхъ. И ребенокъ, и взрослый находятъ въ басняхъ Крылова и удовольствіе, и доброе наставленіе, всякъ учится по баснямъ и знать, и любить свою родину.

Всѣ знали и любили добродушнаго баснописца при его жизни. На улицахъ незнакомые Крылову встрѣчные почтительно раскланивались съ нимъ, а въ Лѣтнемъ саду, гдѣ онъ часто гулялъ, и гдѣ обыкновенно играютъ дѣти, — матери и няни указывали на баснописца дѣтямъ, и всѣ звали его Дъдушкой.

Ивану Андреевичу Крылову и послѣ его смерти возданы были рѣдкія почести. Императоръ Николай І приказалъ объявить повсемѣстно подписку на памятникъ Крылову. На собранныя со всей Россіи деньги поставили въ Лѣтнемъ саду памятникъ, на которомъ изображены всѣ дѣйствующія въ басняхъ лица. Добродушно смотритъ съ памятника Дѣдушка Крыловъ на играющихъ вокругъ дѣтей и какъ-будто поучаетъ всѣхъ быть честными и добрыми.

Содержаніе избранныхъ басенъ Крылова.

Общее содержаніе басенъ — разъясненіе понятій о добръ и злъ, обличеніе людскихъ слабостей, недостатковъ, пороковъ. Люди очень часто не умѣютъ различать добро отъ зла. Въ погонѣ за личными удобствами, за личными удобствами, за личнымъ счастьемъ, человѣкъ нерѣдко избираетъ такія средства, которыя приносятъ вредъ и ему самому, и другому — ближнему, сосѣду, и цѣлой группѣ людей — обществу. Бичуя въ людяхъ зло, басня въ то же время разъясняетъ, въ чемъ истинное добро, общее для всѣхъ благо, а всѣ басни, взятыя вмѣстѣ, выясняютъ, болѣе или менѣе полно, кругъ понятій о добрѣ и злѣ: І. Добро и зло для себя самого; ІІ. Добро и зло для другого; ІІІ. Добро и зло общественное.

Каждый изъ этихъ отдъловъ распадается на малыя группы. — Первый отдълъ (Добро и зло для себя самого): І. Невниманіе къ своимъ недостаткамъ, желаніе свалить свою вину на другого: это общее существованія котораго условіе, отъ зависитъ невозможность возможность или самосовершенствованія человѣка («познай самого себя»); это же (распознаваніе своихъ недостатковъ) должно послужить руководящимъ началомъ чтеніи каждой басни. — Свое счастье люди чаще всего думаютъ найти ВЪ обладаніи имуществомъ, И богатствомъ; но и этого мизернаго грубаго благополучія благодаря ОНИ лишаются, глупости: желаютъ обладать, но не умъютъ сберечь;

алчутъ захватить сверхъ мѣры, — и теряютъ все. Это и выясняетъ вторая группа басенъ перваго отдъла: 2. Глупая нерасчетливость и алчность. —Думая лишь о себъ, стараясь возвысить себя надъ всъми безъ всякаго на то права, глупецъ прибъгаетъ къ хвастовству къ похвальбъ и — дъйствительно, пріобрътаетъ себъ славу, — становится посмѣшищемъ другихъ. (3. Хвастовство похвальба). — Завидуя другому, желая обладать тъмъ, чъмь владъеть другой, человъкъ, не разсуждая, достижимо это для него или недостижимо, нужно или ненужно, — пускается на подражаніе и становится смѣшнымъ или же наживаетъ себѣ, по глупости, бѣду (4. Неразумная переимчивость). — Корень всего зла — въ глупости, въ невѣжествѣ: оно, невѣжество, вредитъ и самому человѣку, оно приноситъ зло и другимъ, (5. Невъжество). Чесловѣкъ не знаетъ, что истинное его благо пріобрѣтается лишь упорнымъ трудомъ на свою личную и общую пользу: но и трудиться нужно съ толкомъ и умѣючи (6. Бездълье, трудъ полезный и безполезный.

Въ поискахъ за своимъ благополучіемъ, человѣкъ часто приноситъ зло и себѣ, и своему ближнему («Добро и зло для другого»). Сильный пользуется силой во зло слабому (1. Взаимное отношеніе между сильнымъ и слабымъ) и, лишая себя услугъ послѣдняго, возбуждаетъ въ немъ и чувство страха, и ненависть, и жажду мести. — Человѣкъ безъ другихъ прожить не можетъ, и благополучіе каждаго зависитъ отъ взаимнаго согласія, дружбы, готовности безкорыстно служить на пользу, другого (2. Дружба,

товарищество). Но истинная дружба — ръдкость между людьми, и этимъ именемъ часто прикрывается лишь своекорыстіе, что и приноситъ зло и одной, и другой сторонъ.

Нравственныя отношенія человѣка къ человъку должны служить основою отношеній — и отдъльнаго человъка къ общественнымъ группамъ, и общественныхъ группъ между собою (Добро и зло общественное). Но и здъсь человъкъ, во вредъ себъ и другимъ, проявляетъ или нескрываемое себялюбіе, или лицемерную доброту, или же хоть, и желаетъ сдълать добро, но не умъетъ — по глупости (1. Себялюбіе, ліщемърная и глупая доброта). уважаетъ человъкъ и чужой собственности, — личной и общественной, — крадетъ, грабить и, нанося вредъ и разореніе другимъ, губитъ и самъ себя (2. Воровство). защиты интересовъ каждаго охраны И существуетъ общественная власть, общественный судъ; но начальникъ и судья пользуются нерѣдко своимъ положеніемъ ради корыстныхъ цълей (3. Корыстный и пристрастный судъ). Какъ отдъльныя лица, такъ и цълыя общественныя группы, стараются возвышаться другъ надъ другомъ, признавая лишь свои заслуги, заботясь лишь о своихъ интересахъ, забывая, что общее благо созидается на посильномъ и разумномъ трудъ каждаго на общую всъмъ пользу (4. Общественное значеніе разныхъ званій и состояній).

Распредълимъ теперь по намъченнымъ отдъламъ и группамъ всъ избранныя нами (по

доступности цѣнности содержанія) басни и объяснимъ кратко взаимную связь между ними.

- I. Добро и зло для себя самого.
- 1. Невниманіе къ своимъ недостаткамъ.

Свои недостатки мы замѣчаемъ въ себѣ очень рѣдко — и въ дѣйствительной жизни, и въ зеркалѣ жизни — въ книгѣ, въ сатирѣ, хотя эти же самыя слабости, а тѣмъ болѣе пороки, мы прекрасно видимъ въ другихъ, указываемъ на нихъ пальцемъ, смѣемся надъ ними, открыто порицаемъ ихъ (Зеркало и Обезьяна).

Невнимательно относясь къ себѣ, мы нерѣдко и въ окружающемъ не видимъ существеннаго и важнаго для насъ: замѣчаемъ (въ жизни и въ книгѣ) мелочи, а слона не примѣчаемъ (Любопытный).

И зная свои слабости, открыто обнаруживая ихъ, мы часто хитримъ, стараемся оправдать себя (особенно при неудачѣ) и въ своихъ собственныхъ, и въ чужихъ глазахъ (Лисица и Виноградъ).

Не видя своихъ недостатковъ, не замѣчая зла, какое мы другимъ приносимъ, мы не хотимъ понять, почему другіе такъ дурно къ намъ относятся, и винимъ рѣшительно всѣхъ, — кромѣ самихъ себя. «Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй, тотъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей: не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется, а первый самъ ни съ кѣмъ не уживется» (Волкъ и Кукушка).

Въ приключившемся горъ, несчастіи человъкъ опять-таки ищетъ прежде всего причину бъды не въ себъ самомъ, а въ чемъ-либо внъ насъ лежащемъ, — и если ужъ нътъ никакого повода свалить вину на

сос $\pm$ да, то — либо Бог $\pm$ пос $\pm$ тил $\pm$, либо б $\pm$ с $\pm$ попутал $\pm$ (Два мужика.)

Невниманіе къ своимъ недостаткамъ губительно для насъ же самихъ: недостатки наши влекутъ за собой невнятности и бѣды, отъ которыхъ и можно спастись только тогда, когда мы узнаемъ и устранимъ ихъ причины, т. е. эти самые свои недостатки.

2. Глупая нерасчетливость и алчность.

Свое благополучіе человѣкъ видитъ часто въ обладаніи имуществомъ, богатствомъ; но и въ этомъ теряетъ многое, лишается нерѣдко и всего, благодаря своей глупой нерасчетливости или же непростительной алчности. Жалѣя малаго, ничтожнаго, человѣкъ иногда теряетъ большое, существенное: «Щепотки волосковъ Лиса не пожалѣй, — остался бъ хвостъ у ней» (Лиса).

Бываютъ и такіе господа, «которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить, а думаютъ хозяйству подспорить, коль свъчки сберегутъ огарокъ, и рады за него съ людьми поднять содомъ. Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ скорешенько пойдетъ — вверхъ дномъ» (*Мельникъ*).

Но похвальная расчетливость и бережливость можетъ перейти въ скупость, въ скряжничество, въ ненасытную алчность. Поставивъ богатство цѣлью своей жизни, скупой не можетъ довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ, а желаетъ все большаго и большаго и — теряетъ все: «Скупой теряетъ все, желая все достать» (Скупой и Курица; Фортуна и Нищій).

Когда богатство становится цълію жизни,

человѣкъ дѣлается его рабомъ: нѣтъ границъ и мѣры въ его желаніяхъ, нѣть радостей и счастья въ его жизни, — онъ самъ себѣ лиходѣй (Бъдный Богачъ).

Благоразумная бережливость и расчетливость, умъренный достатокъ для удовлетворенія своихъ нуждъ — вотъ что даетъ довольство человъку и заслуживаетъ похвалы.

3. Хвастовство, похвальба.

Человѣкъ склоненъ считать себя лучше, умнѣе и дѣльнѣе другихъ и старается нерѣдко возвысить себя во мнѣніи другихъ, за неимѣніемъ лучшаго, — самовосхваленіемъ. Самомнѣніе и хвастовство сами себѣ готовятъ наказаніе въ насмѣшкахъ другихъ, а иногда создаютъ человѣку и гибель. Самомнѣніе не позволяетъ видѣть ни достоинствъ другого, ни своихъ собственныхъ недостатковъ; самомнѣніе и самохвальство ослѣпляють человѣка, дѣлаютъ его неосмотрительнымъ, неосторожнымъ и неминуемо влекутъ къ погибели. И никто такихъ людей не жалѣетъ въ ихъ бѣдѣ, какъ они и сами никого не щадили (Обозъ, Чижъ и Голубь).

Самомнѣніе часто бываетъ слѣдствіемъ молодости и неопытности, но случается, что ничтожные людишки нагло и безсовѣетно лгутъ о своихъ заслугахъ, тѣшатъ своимъ враньемъ сильныхъ, чтобъ получить отъ нихъ подачку; «надъ хвастунами всѣ смѣются, но часто въ дѣлежѣ и имъ доли достаются» (Заяцъ на ловлъ): но не завидна эта доля, купленная цѣною униженія и общаго презрѣнія.

Лгутъ и хвастаютъ люди и изъ желанія показать другимъ свое къ нимъ пренебреженіе,

возвысить себя надъ ними; но не имъя никакихъ личныхъ достоинствъ, по глупости своей, они сами заслуженно становятся предметомъ злой и унижающей ихъ насмъшки (Лжецъ).

Похваляются пустые и ничтожные люди, въ погонъ за славой, неосуществимыми дълами, несуществующими или ничтожными способностями и талантами, и становятся всеобщимъ посмъшищемъ, «Синица похвалялась, что хочетъ море сжечь, — и чъмъ же кончились затъи величавы?... Надълала Синица славы, а моря не зажгла» (Синица).

Не имъя въ себе никакихъ достоинствъ, сами сознавая свое полное ничтожество, иные шумятъ, кричать, нагло нападаютъ на дъйствительную силу, будучи поощряемы тъмъ, что могутъ дълать это вполнъ безнаказанно, благодаря своему ничтожеству, и все лишь для того, чтобы другіе сказали: «ай, Моська! знать, она сильна, что лаетъ на Слона!» (Слонъ и Моська).

Не слыша отъ другихъ похвалъ, ничтожность съ глупостью вступаютъ въ договоръ и восхваляютъ другъ друга (Кукушка и Пътухъ); но людей не обманешь: «хоть вы охрипните хваля другъ друга, всежъ ваша музыка плоха».

Ничтожность ищетъ похвалъ, забывая, что лишняя хвала порождаетъ глупое самомнѣніе, смѣшное чванство и еще болѣе принижаетъ человѣка: прославившійся въ своемъ муравейникѣ Муравей думалъ, что онъ во всей подсолнечной гремитъ...

Самомнъніе и хвастовство сами выдаютъ свою ничтожность; «кто про себя кричитъ всъмъ безъ

умолку, — въ томъ, верно, мало толку; — великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ, и думаетъ свою онъ крѣпку думу — безъ шуму» (Двъ бочки).

4. Неразумная переимчивость.

Желаніе быть и казаться не тѣмъ, что есть, и чѣмъ, по своимъ силамъ, можетъ быть, вызываетъ часто на подражаніе, которое нерѣдко кончается неудачей, а иногда и гибелью. — «У всякаго талантъ есть свой; но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой, хватается за то иной, въ чемъ онъ совсѣмъ негоденъ; а мой совѣтъ такой: берись за то, къ чему ты сроденъ, коль хочешь, чтобъ въ дѣлахь успѣшный былъ конецъ» (Скворецъ).

«Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ: и дѣло не пойдетъ на ладъ, да и примѣчено стократъ, что кто за ремесло чужое браться любитъ, тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй» (Щука и Котъ), онъ и дѣло губитъ, и самъ становится посмѣшищемъ свѣта.

Становится посмѣшищемъ свѣта и карликъ, который, забывъ свой ростъ, старается казаться великаномъ (Ворона); кончаетъ гибелью и всякій малый и безсильный, кто, не по средствамъ затѣетъ тянуться въ мѣру большого (Лягушка и Волъ).— И вообще, — «безъ ума перенимать — и Боже сохрани, какъ худо!» (Обезьяны).

Подражаніе только тогда и приводитъ къ хорошимъ результатамъ когда оно предпринимается не изъ зависти только и пустого тщеславія, а ради самаго дѣла, и при томъ безспорно хорошаго, когда подражатель при этомъ благоразумно взвѣситъ

предварительно свои наличныя средства, необходимыя для осуществленія предпринятаго.

5. Невъжество.

Во всякомъ дѣлѣ, всегда и вездѣ губительна умственная темнота, опасно невѣжество. Невѣжда, берущійся за дѣло, для исполненія котораго у него нѣтъ ни природныхъ способностей, ни знаній, ни умѣнья (Квартеть), невѣжда, съ глупою самоувѣренностью принимающій на себя роль судьи въ дѣлѣ, котораго онъ вовсѣ не разумѣетъ (Оселъ и Соловей), — эти невѣжды только смѣшны.

Гораздо хуже тотъ грубый и чувственный невъжда, который свою темноту ставить себъ какъ бы въ достоинство, называй глупцами всъхъ, кто знаетъ цъну не однимъ матеріальнымъ благамъ (Пътухъ и Жемчужное Зерно); — но и это безобидный невъжда, — его невъжество вредитъ лишь ему самому.

Гораздо опаснѣе тотъ невѣжда, который, не зная цѣны полезной вещи, толкъ свой про нее все къ худу клонитъ, а если у него есть сила, то онъ ее гонитъ и истребляетъ (Mapmышка u Ovku).

Часто при этомъ бываетъ, что грубое невѣжество идетъ рука объ руку съ гнусной неблагодарностью: «невѣжда въ ослѣпленьи бранитъ (и силится искоренить) науки и ученье, и всѣ ученые труды, не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды» (Свинья подъ дубомъ).

6. Вездълье, трудъ полезный и безполезный.

Каждый но мъръ силъ своихъ, долженъ трудиться для себя и для другихъ: «кто не хочетъ дълать, тотъ пусть не ъстъ». Праздный человъкь —

тунеядецъ, не сознающій позора своего безнравственнаго существованіе (*Муха и Пчела*). Праздность и унижаетъ, и разврашаетъ; только полезный трудъ заслуживаетъ общей похвалы, потому что онъ и облагораживаетъ человъка, и развиваетъ его природныя способности, и доставляетъ истинное счастье.

Но и за трудъ надо приниматься съ разумѣніемъ: ценится въ глазахъ людей только полезный трудъ. «Какъ хочешь ты трудись, но пріобрѣсть не льстись ни благодарности, ни славы, коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы» (Обезьяна).

Единственною цѣлію труда и должна служить польза — себѣ и людямъ. Трудъ ради одной пустой потѣхи и забавы другихъ вызываетъ лишь минутное удивленіе праздной толпы и не заслуживаетъ серьезнаго уваженія, какъ и всякій безрезультатный трудъ (Бълка въ колесть), какъ и всякое пустое, бесполезное искуство. — «По мнѣ, таланты тѣ негодны, въ которыхъ свѣту пользы нѣть, хоть иногда имъ и дивится свѣтъ» (Паукъ и Пчела).

Но, избравъ для себя и полезный трудъ, надо запастись, для успъха дъла умъньемъ и терпъньемъ (Трудолюбивый Медвъдъ).

Правда, и полезный, усердный трудъ частенько въ жизни не находитъ справедливой оцѣнки, и не только не награждается по достоинству, но еще и обрекается па разныя невзгоды, — и наоборотъ — счастье многіе находятъ лишь тѣмъ, «что на заднихъ лапкахъ ходятъ» (Двъ Собаки). Но такому

унижающему достоинство человѣка счастью не позавидуетъ честный и благородный человѣкъ: какъ бы ни быль скуденъ добытый честнымъ трудомъ хлѣбъ, все-жъ онъ неизмѣримо лучше сладкаго пирога, получаемаго даромъ, за чужой счетъ, или же добываемаго цѣною униженія.

Да и въ большинствъ случаевъ, при нормальныхъ условіяхъ жизни, трудъ приноситъ за собой матеріальное довольство, обезпеченность (Стрекоза и Муравей). Не слъдуетъ только сытому отъ своихъ трудовъ человъку быть черствымъ и безсердечнымъ, эгоистомъ (какъ Муравей), даже и по отношенію къ легкомысленному празднолюбцу (какъ Стрекоза): надо пожалъть страданіе и горе, отъ чего бы они ни произошли; надо помочь нуждающемся, — иного это научитъ и исправитъ.

Достоинъ похвалы честный трудъ ради очевидной для себя пользы; еще выше, еще трудъ, посвященный исключительно благороднѣе пользъ другихъ — нынъ живущихъ и будущихъ поколѣній (Старикъ и трое молодыхъ), и стыдно тѣмъ легкомысленнымъ и несмышленнымъ юношамъ, которые не понимаютъ высокаго и благороднаго значенія безкорыстнаго труда.

Настойчивый, общеполезный трудъ несетъ за собой не одно матеріальное воздаянье: онъ развиваетъ природныя способности человѣка, онъ возвышаетъ его нравственно, приноситъ почетъ, извѣстность, увѣковѣчиваетъ его имя; праздность же убиваетъ и то, что дано человѣку отъ Бога: «такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ, когда имъ овладѣетъ лѣнь»

(Прудъ и Ръка).

Не нужно при этомъ забывать, что похвала, извѣстность, слава ни въ какомъ случаѣ не должны составлять главной цѣли труда (трудъ тогда можетъ избрать и кривую дорогу): «счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой... но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый, за всѣ труды, за весь потерянный покой, ни славою, ни почестьми не льстится, и мыслью оживленъ одной, что къ пользѣ общей онъ трудится» (Орелъ и Пчела).

Сознаніе общеполезности труда и должно служить лучшею наградою для каждаго работника.

Свътъ знаній, честный, общеполезный трудъ — вотъ что и открываетъ глаза человъку на самого себя и на другихъ, и приноситъ умъренное довольство, и доставляетъ почетъ и славу, — въ этомъ и заключается истинное личное счастье, всякаго человъка.

II. Добро и зло для другого.

1. Взаимное отношеніе между сильнымъ и слабымъ.

Много зла и горя причиняетъ самъ себъ человъкъ; много зла и горя причиняетъ онъ, намъренно и безъ намъренія, и своему ближнему, и самъ же отъ этого терпитъ горе: причиненное другому зло само собою несетъ наказаніе дълателю его.

Много терпитъ слабый отъ сильнаго, и не рѣдко только потому, что, по своей глупости и трусости, преувеличиваетъ въ своемъ воображеніи силу и значеніе сильнаго: «сильнъе кошки звѣря нѣтъ», отъ ея когтей — «и льву не быть живому» —

думаетъ Крыса (Мышь и Крыса).

Случается, что и страхъ-то бываетъ напрасный, что пугало создано собственнымъ воображеніемъ: «иного мы боимся, поколь къ нему не приглядимся» (Левъ и Лисица).

Но во всякомъ случаѣ, слабому съ сильнымъ лучше быть поосторожнѣе, за смѣлость можно жестоко поплатиться ($Левъ \ u \ Волкъ$): сильный часто не знаетъ справедливости и наказываетъ не по винѣ жестоко.

Не признаетъ онъ и правъ другого, знать не хочетъ никакихъ договоровъ, — одно право для него — его сила (*Левъ на ловлъ*).

«У сильнаго всегда безсильный виноватъ», когда нужно покорыстоваться на счетъ послѣдняго. Но сильный все же сознаетъ въ глубинѣ души свою неправоту и старается, хотя бы только для виду, дать дѣлу законный видъ и толкъ (Волкъ и Ягненокъ).

Плохо слабому во всякое время, онъ же больше всѣхъ терпитъ и въ минуты общественныхъ бѣдствій. Въ общей бѣдѣ, когда нужна искупительная жертва, виноватыми и отвѣтственными являются не тѣ, чья жизнь переполнена безбожныхъ самыхъ дѣлъ, а смирный и безотвѣтный, хотя грѣхи послѣдняго и ничтожны, и оправдываются обстоятельствами (Моръ звърей).

Но отливаются и кошкѣ мышиныя слезки, и насильникъ часто платится и за свое высокомѣріе, и за всѣ свои дѣла. Въ опасности и въ бѣдѣ какая можетъ приключиться и сильному, и маленькій человѣкъ могъ бы быть полезнымъ своими знаніями и умѣньемъ; но высокомѣріе и кичливость сами себя лишаютъ услугъ

послѣдняго (Орелъ и Кротъ, Левъ и Мышь).

Зло порождаетъ зло: при случаѣ и слабый жестоко мститъ сильному. «Безсильному не смѣйся, и слабаго обидѣть не моги: мстятъ сильно иногда безсильные враги, — такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся» (Левъ и Комаръ).

Но въдь и сила не въчна, и ея можно лишиться, и вотъ тогда-то насильникъ получаетъ возмездіе (Левъ состаръвшійся), и самыми обидными мстителями являются тъ людишки, которые въ свое время не смъли и взгляда поднять на упавшаго теперь съ высоты.

Такимъ образомъ, не только справедливѣе и нравственнѣе, но даже и выгоднѣе для себя, всю силу свою, какая есть, направлять безъ остатка не на зло, а на добро другимъ: всѣмъ тогда будетъ лучше (Bacunekъ).

2. Дружба, товарищество.

Лучше людямъ жить въ согласіи и дружбѣ, — въ этомъ ихъ взаимная польза. Но друзей надо выбирать съ разборомъ: съ злымъ не дружись, отъ него жди бѣды и себѣ, и своимъ близкимъ; лучше отказаться отъ такой дружбы, какъ бы много выгодъ она ни сулила (Крестьянинъ и змъя).

Быть другомъ на словахъ легко. Иной въ нуждѣ тебя и пожалѣетъ, и обласкаетъ, охотно предложитъ какъ-будто и помощь, но — «охотно мы даримъ, что намъ не надобно самимъ» (Волкъ и Лисица). «На свѣтѣ такъ ведется: коль въ нужду попадешься, отвѣдай сунуться къ друзьямъ: начнутъ совѣтовать и вкосъ тебѣ, и впрямь, а чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,

то лучшій другъ — и нѣмъ, и глухъ» (Крестьянинъ въ 6 кв / 6 кв).

Чаще всего, каждый думаетъ только о себъ, бережетъ свое для себя, и всъмъ, что случай представитъ взять, желаетъ владъть безраздълно. Живутъ такіе друзья душа въ душу, пока дълить имъ нечего, «а только кинь имъ кость, такъ что твои собаки» (Собачья дружба).

Такая дружба хоть и не приноситъ добра, но и не дѣлаетъ еще большого зла; гораздо опаснѣе, когда «корысть себя личиной дружбы кроетъ». Корыстный разсчетъ побуждаетъ низкихъ людей напрашиваться на дружбу, льстить, унижаться; а какъ только получено отъ тебя желаемое, и ты больше не нуженъ, то друга и въ поминѣ нѣть, а то и онъ же надъ простотой твоею посмѣется, тебя жъ предъ свѣтомъ оклевещетъ (Ворона и Лисица, Хмель).

Мало того своекорыстный другъ предастъ тебя, погубитъ, когда въ томъ видитъ пользу для себя (Роща и Огонь; Левъ, Серна и Лиса; Мальчикъ и Червякъ).

И зло взаимное рождаетъ и плодитъ такая дружба; презрѣніемъ предатели клеймятся, и первый завсегда къ бѣдѣ такой предатель близокъ (Mальчикъ и Червякъ).

Настоящая дружба всегда готова на услугу, но и услуга требуетъ ума: усердіе и равнодушіе не по разуму — та же бѣда (Демьянова уха); бываетъ, что услужливый дуракъ опаснѣе врага (Пустынникъ и Медвъдь).

Добрый человъкъ, а тъмъ болъе настоящій

товарищъ и другъ, какъ бы это для него самого трудно ни было (Волкъ и Журавль), выручитъ изъ бѣды, хотя бы и съ опасностью для своей жизни (Крестьянинъ и Работникъ), и даже жизнь свою отдастъ, спасая друга (Собака, Человъкъ, Кошка и Соколъ). «Къ стыду людей, какъ рѣдки таковы друзья!» «И то сказать, какъ часто видѣлъ я, что тотъ, кто изъ бѣды былъ другомъ вырученъ, избавленъ, его же покидалъ въ нуждѣ, его же и ругалъ вездѣ!»

Па своекорыстіи и разсчетѣ дружба основаться не можетъ: своекорыстный другь одинъ только разъ обманетъ и измѣнитъ, а тамъ ему и вѣры больше нѣтъ, тогда и дружбѣ конецъ — ко взаимной невыгодѣ обѣихъ сторонъ. На взаимности чувства и услугъ основывается дружба; на согласіи, единодушіи и уступчивости созидается на пользу всѣхъ общее дѣло. «Когда въ товарищахъ согласья нѣть, — на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ, и выйдетъ изъ него не дѣло, — только мука» (Лебедь, Щука и Ракъ).

И общая бѣда не страшна, когда ее всѣ дружно встрѣтятъ; а если и тутъ — «всякъ споры затѣваетъ о выгодѣ своей, нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ» (Pasdълъ).

III. Добро и зло общественное.

1. Себялюбіе, лицемърная и глупая доброта.

Каждому получше хочется жить, и всякъ добра себѣ ищетъ; но нельзя ни желать, ни дѣлать того, что для меня одного хорошо, а для всѣхъ другихъ вредно: если всѣ и каждый такъ будутъ поступать, тогда всѣмъ будетъ худо, и люди погубятъ другъ друга. Но — «на свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ, которымъ все,

кром* себя постыло: и кои думают*: лишь мн* бы ладно было, а там* Весь св*т* гори огнем*» (Лягушка и Юпитер*).

Естественно заботиться о себѣ, но слѣдуетъ думать и о другихъ, и не только желать, но и дѣлать добро всѣмъ, особенно же обездоленнымъ и безпомощнымъ. Иные принимаютъ на себя только личину доброты, они добры лишь на словахъ, на дѣлѣ же — холодные и злые себялюбцы. «Кто добръ по истинѣ, — въ молчаньи тотъ добро творитъ; а кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ, тотъ часто только добръ на счетъ другого, затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого» (Добрая Лисица).

И добро надо дѣлать умѣючи: хороша милостыня во время скудости; бесполезно и безтолково расточать свои благодѣянія тамъ, гдѣ въ нихъ вовсе не нуждаются (Ty4a).

2. Воровство.

Дурные и злые люди не только не дѣлятся своимъ съ другими, но тайно и открыто берутъ себѣ чужое, — крадутъ. Чтобы скрыть свою вину и спастись отъ наказанья, воръ часто лжетъ, винитъ нагло другого (Пастухъ).

Но сколько бъ воръ ни воровалъ, онъ рано или поздно попадется, и не избѣжать ему позора и расправы: нигдѣ онъ не найдетъ защиты, раскаянью его и добрымъ обѣщаньямъ не повѣрятъ, и воръ достойное получитъ наказанье (Котъ и Поваръ; Собака; Волкъ и Котъ; Волкъ на псарнъ; Волкъ и Пастухи).

3. Неправый судъ.

Но вотъ бѣда, когда на вора нельзя найти управы: «на младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ, гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ» ($Крестьяне\ u\ Prъкa$).

«Безсовъстные плуты всегда найдутъ себъ уловку, чтобъ сдълать тамъ, гдъ имъ захочется, сноровку» (Щука, Мірская сходка, Волки и Овцы, Слонъ на воеводствъ).

4. Общественное значеніе различныхъ званій.

Всякъ хорошъ на своемъ мѣстѣ и заслуживаетъ уваженія тотъ, кто исполняетъ свое дѣло, и другъ безъ друга мы обойтись не можемъ. Трудъ Лошади Собака унижала, а сама хвалилась и удальствомъ своимъ, и трудностью службы. «Конечно, Лошадь отвѣчала, твоя правдива рѣчь; однако же, когда бъ я не пахала, то нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь» (Собака и Лошадь, Овцы и Собаки).

«Листы на деревѣ хвалились густотой и свѣжестью своей» и утверждали, «что только ими дерево такъ пышно и кудряво, раскидисто и величаво», — на что имъ Корни дерева замѣтили смиренно: «съ новою весной листъ новый народится, а если корень изсушится, — не станетъ дерева, ни васъ» (Листы и Корни).

«Держава всякая сильна, когда устроены въ ней всъ премудро части: оружіемъ врагамъ она грозна, а Паруса — гражданскія въ ней власти» (Пушки и Паруса).

Не званіе и не состояніе возвышаютъ человѣка, какъ бы онъ богатъ и силенъ ни былъ, а только честный трудъ на общую всѣмъ пользу. «Почтененъ

тотъ, кто съ пользою отечеству трудится; а кто полезнымъ быть способности лишенъ, тотъ презрѣнъ ото всѣхъ, и всякому досадна его праздность» (Гуси, Водопадъ и ручей, Орелъ и Пчела, Пчела и Мухи).

27

ДОБРО И ЗЛО ДЛЯ СЕБЯ САМОГО.

І. Невниманіе къ своимъ недостаткамъ.

1. Зеркало и Обезьяна.

— «Чемъ кумушекъ считать трудиться, Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» — Ей Мишка отвъчалъ; Но Мишенькинъ совътъ лишь попусту пропалъ.

Такихъ примъровъ много въ міръ: Не любитъ узнавать никто себя въ сатиръ *. Я даже видълъ то вчера: Что Климычъ на руку не чистъ, всъ это знаютъ;

28

_

^{*} *Camupa* — такое литературное произведеніе, въ которомъ осмѣиваюся людскіе недостатки и пороки.

Про взятки Климычу читаютъ, А онъ украдкою киваетъ на Петра.

2. Любопытный.

«Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты быль?»

— «Въ кунсткамерѣ, * мой другъ! Часа тамъ три ходилъ Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья, Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья Пересказать тебѣ, ни силъ. Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата! Куда на выдумки природа торовата! Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ! Какія бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки! Однъ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ! Какія крохотны коровки!

Есть, право менъе булавочной головки!»

- «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ! Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтиль?»
- «Да развѣ тамъ онъ?» «Тамъ.» «Ну, братецъ, виноватъ:

Слона-то я и не примътилъ.»

_

^{*} *Кунсткамера* — музей, хранилище разныхъ диковинокъ и достопримъчательныхъ предметовъ.

3. Лисица и Виноградъ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда, — висятъ онѣ высоко;
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: — «Ну, что жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зелень, — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набъешь.»

4. Волкъ и Кукушка.

«Прощай, сосъдка!» — Волкъ Кукушкъ говорилъ: — «Напрасно я себя покоемъ здъсь манилъ! Все тъ жъ у васъ и люди, и собаки: Одинъ другого злъй; и хоть ты ангелъ будь, Такъ не минуешь съ ними драки.» — «А далеко ль сосъду путь? И гдъ такой народъ благочестивый, Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?» — «О, я прямехонько иду

Въ лѣса Аркадіи счастливой *.
Сосѣдка, то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,

Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
Не мило ль, даже и во снѣ
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ.»
— «Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!» —
Кукушка говоритъ: — «а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинишь, иль возмешь съ собой?»

— «Ужъ кинуть, вздоръ какой!» — «Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.»

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй, Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей: Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется, А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

31

^{*} *Аркадія* — сказочная страна, гдѣ, будто бы, всѣ живутъ въ полномъ счастіи.

5. Два мужика.

«Здорово, кумъ Өаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»

- «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»

—«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь! Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ,

И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.»

— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»

— «Да такъ! О Рождествъ была, у насъ пирушка;

Я со свъчей пошелъ дать корму лошадямъ;

Признаться, въ головъ шумъло;

Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;

А дворъ и все добро сгорѣло.

Ну, ты какъ?» — «Охъ, Өаддей, худое дѣло! И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:

Ты видишь, — я безъ ногъ;

Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ. Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ, И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ

Съ друзьями полугару;

А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару, Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;

Анъ бъсъ меня въ потьмахъ такъ съ лъстницы толкнулъ,

Что сдълалъ изъ меня совсъмъ не человъка.»

И вотъ я съ той поры калѣка.»

— «Пеняйте на себя, друзья!» —

Сказалъ имъ сватъ Степанъ: — «коль молвить правду,

Я

Совсѣмъ не чту за чудо, Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ: Для пьянаго и со свъчою худо, Да врядъ не хуже и впотьмахъ.»

II. Глупая нерасчетливость и алчность.

6. Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жи́ла * Лиса у проруби пила въ большой морозъ. Межъ тѣмъ, оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),

Но кончикъ хвостика Лисица замочила, И ко льду онъ примерзъ.

Бъда не велика, легко бъ ее поправить: Рвануться только посильнъй,

И волосковъ хотя десятка два оставить,

Но до людей

Домой убраться поскоръй.

Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый, Раскидистый и золотистый!

Нътъ, лучше подождать: въдь спитъ еще народъ;

А между тъмъ, авось, и оттепель придетъ,

Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.

Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ, Глядитъ, — и день свѣтаетъ,

Народъ шевелится, и слышны голоса.

^{*} Жило — селеніе, деревня.

Тутъ бѣдная моя Лиса Туда-сюда метаться; Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться. По счастью, Волкъ бѣжитъ. — «Другъ милый! кумъ! отецъ!» —

Кричитъ Лиса: — «спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!» Вотъ кумъ остановился
И въ спасенье Лисы вступился.
Пріемъ его быль очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,

—— Мнѣ кажется, что смыслъ не темень басни сей: Щепотки волосковъ Лиса не пожалѣй, — Остался бъ хвостъ у ней.

Ужъ рада, что на ней осталось шкура.

7. Мельникъ.

У Мельника вода плотину прососала;
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А Мельникъ говоритъ — «Далеко до бѣды;

Не море надо мнѣ воды, И ею мельница по весь мой вѣкъ богата.» Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ, мельница не служитъ.
Хватился Мельникъ мой, — и охаетъ, и тужитъ,

И думаетъ, какъ воду уберечь. Вотъ, у плотины онъ, осматривая течь, Увидълъ, что къ ръкъ пришли напиться куры.

— «Негодныя!» — кричитъ: — «хохлатки, дуры! Я и безъ васъ воды не знаю, гдъ достать; А вы пришли ее здъсь вдосталь допивать.»

И въ нихъ полѣномъ хвать!

Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье? Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомь.

Съ такою бережью диковинка ль, что домъ Скорешенько пойдетъ вверхъ дномъ!

8. Скупой и Курица.

Скупой теряетъ все, желая все достать. Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать, Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ; Да рыться лѣнь: такъ я намѣренъ Вамъ басню старую сказать. Вотъ что въ ребяческой читалъ я про скупого. Быль человѣкъ, который никакого Не зналъ ни промысла, ни ремесла, Но сундуки его полнѣли очевидно. Онъ курицу имѣлъ (какъ это не завидно!)

Котора яйца несла,

Но не простыя, А золотыя.

Иной бы и тому былъ радъ, Что понемногу онъ становится богатъ; Но этого скупому мало:

Ему на мысли вспало, Что, взрѣзавъ курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ. Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье, Не благодарности не побоясь грѣха, Ее зарѣзалъ онъ, И что же? Въ воздаянье Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

9. Фортуна и Нищій *.

Съ истертою и ветхою сумой Бъдняжка-нищенькій подъ оконьемъ таскался, И, жалуясь на жребій свой, Неръдко удивлялся, Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,

^{*} Фортуна — сказочная добрая богиня (волшебница), приносящая, будто бы, людямъ счастье.

По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ, Какъ ихъ карманы ни набиты, Еще не сыты! И даже до того, Что, безъ пути алкая И новаго богатства добывая,

Лишаются неръдко своего Всего.

Вонъ, бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому Пошелъ счастливо торговать; Расторговался въ пухъ. Тутъ чѣмъ бы перестать, И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,

А промыселъ оставить свой другому, — Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ; Ждалъ горы золота; но корабли разбило: Сокровища его всѣ море поглотило;

Теперь они на днѣ,

И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ. Другой тотъ въ откупа пустился, И нажилъ-было милліонъ,

Да мало: захотълъ его удвоить онъ, Забрался по уши, и вовсе разорился. Короче, тысячи такихъ примъровъ есть;

И по дъломъ: знай честь!

Тутъ Нищему Фортуна вдругъ предстала И говоритъ ему:

— «Послушай, я помочь давно тебѣ желала; Червонцевъ кучу я сыскала, Подставь свою суму;

Ее насыплю я, да только съ уговоромъ: Все будетъ золото, въ суму что попадетъ; Но если изъ сумы что на полъ упадетъ, То сдѣлается соромъ.

Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла: Мнѣ велѣно хранить условье наше строго; Сума твоя ветха, не забирайся много,

Чтобъ вынести она могла.» Едва отъ радости мой Нищій дышетъ И подъ собой земли не слышитъ.

Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.

Сума становится ужъ тяжеленька.

- «Довольно ль?» «Нѣтъ еще.» «Не треснула бъ?» «Не бойсь.»
- «Смотри, ты Крезомъ сталъ.» «Еще, еще маленько: Хоть горсточку прибрось.»
- «Эй, полно! посмотри: сума ползетъ ужъ врозь.»
- «Еще щепоточку.» Но тутъ кошель прорвался. Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ; Фортуна скрылася: одна сума въ глазахъ, И Нищій нищенькимъ попрежнему остался.

10. Бъдный богачъ.

«Ну, стоить ли богатымъ быть, Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить, И только деньги лишь копить? Да и на что? Умремъ, вѣдь, все равно! Мы только лишь себя и мучимъ, и безславимъ. Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ, Не только бы рубля, я тысячъ не жалѣлъ, Чтобъ жить роскошно, пышно,

И о моихъ пирахъ далеко бъ было слышно;

Я даже дѣлалъ бы добро другимъ;

А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа.»

Такъ разсуждалъ Бъднякъ съ собой самимъ,

Въ лачужкъ низменной, на голой лавкъ лежа;

Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,

Кто говоритъ — колдунъ, кто говоритъ, что бѣсъ;

Послъднъе едва ли не върнъе:

Изъ дѣла будетъ то виднѣе.

Предсталъ и началъ такъ: — «Ты хочешь быть богатъ, Я слышалъ для чего; служить я другу радъ.

Вотъ кошелекъ тебъ: червонецъ въ немъ, не болъ; Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.

Итакъ, пріятель мой

Разбогатъть теперь въ твоей лишь волъ.

Возьми жъ, и изъ него безъ счету вынимай,

Доколъ будешь ты доволенъ:

Но только знай:

Истратить одного червонца ты неволенъ,

Пока въ рѣку не бросишь кошелька».

Сказалъ — и съ кошелькомъ оставилъ Бъдняка.

Бъднякъ отъ радости едва не помъшался;

Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.

И что жъ? — Чуть върится ему, что то не сонъ:

Едва червонецъ вынетъ онъ,

Ужъ въ кошелькъ другой червонецъ шевелится.

«Ахъ, пусть лишь до утра мнъ счастіе продлится!»

Бъднякъ мой говоритъ:

«Червонцевъ я себъ повытаскаю груду;

Такъ завтра же богатъ я буду,

И заживу, какъ сибаритъ.»

Однакожъ поутру онъ думаетъ другое.

— «То правда,» — говоритъ; — «теперь я сталъ богатъ; Да кто жъ добру не радъ!

И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое? Неужто лѣнь

Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день!

Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;

Но если накупить могу я деревень,

Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?

Такъ удержу чудесный кошелекъ:

Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю

Одинъ денекъ;

А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю.» Но что жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ, — Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;

Межъ тъмъ онъ скудно ъстъ и скудно пьетъ; Но чуть лишь день, а онъ опять за ту жъ работу.

День кончится, и, по его разсчету, Ему всегда чего-нибудь не достаетъ.

Лишь кошелекъ нести сберется,

То сердце у него сожмется,

Придетъ къ рѣкѣ, — воротится опять.

— «Какъ можно», — говоритъ, — «отъ кошелька отстать.

Когда мнѣ золото рѣкою само льется?» И, наконецъ, Бѣднякъ мой посѣдѣлъ,

Бъднякъ мой похудълъ;

Какъ золото его, Бъднякъ мой пожелтълъ;

Ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:

Онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой,

Утратилъ все; но все дрожащею рукой Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ, Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ же кончилъ онъ? На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался, На той же лавкѣ, онъ скончался, Досчитывая свой девятый милліонъ.

III. Хвастовство, похвальба.

п. Обозъ.

Съ горшками шелъ обозъ, И надобно съ крутой горы спускаться. Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться, Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ. Конь добрый на крестцъ почти его понесъ, Катиться возу не давая; А Лошадь сверху молодая Ругаетъ бъднаго коня за каждый шагъ: «Ай, Конь хваленый, то-то диво! Смотрите: лѣпится, какъ ракъ; Вотъ чуть не зацъпилъ за камень. Косо! криво! Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять! А тутъ бы влѣво лишь принять. Какой оселъ! Добро бы было въ гору Или въ ночную пору; А то и подъ гору, и днемъ! Смотръть, такъ выйдешь изъ терпънья! Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья! Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ! Не бойсь, минуты не потратимъ. И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»

Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь, Тронулася Лошадка съ возомъ въ путь;

Тронулася лошадка съ возомъ въ путь,
Но только подъ гору она перевалилась,
началъ напирать телъга раскатилась:

Возъ началъ напирать, телъга раскатилась: Коня толкаетъ взадъ, Коня кидаетъ въ бокъ;

Пустился Конь со всѣхъ четырехъ ногъ На славу;

По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки, Скачки,

Лъвъй, лъвъй, — и съ возомъ бухъ въ канаву! Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же; Все кажется въ другомъ ошибкой намъ; А примешься за дѣло самъ, Такъ напроказишь вдвое хуже.

12. Чижъ и Голубь.

Чижа захлопнула злодъйка-западня. Бъдняжка въ ней и рвался, и метался; А Голубь молодой надъ нимъ же издъвался. «Не стыдно ль, — говоритъ: — средь бъла дня Попался! Не провели бы такъ меня: За это я ручаюсь смѣло.» Анъ смотришь: тутъ же самъ запутался въ силокъ! И дѣло: Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ!

13. Заяцъ на ловлъ.

Большой собравшися гурьбой, Медвъдя звъри изловили; На чистомъ полъ задавили, И дълятъ межъ собой, Кто что себъ достанетъ; А Заяцъ за ушко медвъжье тутъ же тянетъ. — «Ба, ты, косой!» —

Кричатъ ему: — «пожаловалъ отколѣ? Тебя никто на ловлѣ не видалъ».

— «Вотъ, братцы!» — Заяцъ отвъчалъ: —«Да изъ лъсу-то кто жь? — все я его пугалъ,И къ вамъ поставилъ прямо въ поле

Сердечнаго дружка!»

Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно, Но показалось такъ забавно, Что Зайцу данъ клочокъ медвъжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются, А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

14. Лжецъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь, Какой-то Дворянинъ (а можетъ быть и князь), Съ Пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ, Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,

И къ былямъ небылицъ безъ счету прелыгалъ.

— «Нѣтъ,» — говоритъ: — «что я видалъ, Того ужъ не увижу болѣ.

Что здѣсь у васъ за край? То холодно, то очень жарко,

То солнце спрячется, то свътитъ слишкомъ ярко.

Вотъ тамъ-то прямо рай! И вспомнить, такъ душѣ отрада! Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:

Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь, И круглый Божій годъ все видишь майскій день.

Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ, А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ! Вотъ въ Римѣ, * напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:

Ахъ, мой творецъ!

И по сію не вспомню пору!

Повъришь ли? ну, право, быль онъ съ гору.» — «Что за диковина! — Пріятель отвъчалъ: — «На свътъ чудеса разсъяны повсюду;

Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ. Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду, Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,

^{*} Римъ — главный городъ въ Италіи.

И я въ томъ спорить буду.

Вонъ, видишь ли, черезъ рѣку тотъ мостъ, Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ, А свойство чудное имѣетъ:

Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смъетъ:

До половины не дойдетъ, —

Провалится, и въ воду упадетъ;

Но кто не лжетъ,

Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретъ.»

—«А какова у васъ рѣка?» «Да не мелка.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ! Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ; Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?» — Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ.»

— «Повърить трудно!

Однако жъ какъ ни чудно,

А все чудёнъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ;

Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;

И нынъшней еще весной

Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ).

Два журналиста да портной.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной

Диковинка, коль это справедливо.»

— «Ну, не такое еще диво;

Въдь надо знать, какъ вещи есть:

Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы; Что тамъ за домы:

Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,

И то ни стать, ни състь!»

— «Пусть такъ, но все признаться должно,

Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Онакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...»
— «Послушай-ка», — тутъ перервалъ мой лжецъ:—
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду.»

15. Синица.

Синица на, море пустилась: Она хвалилась, Что хочетъ море сжечь. Разславилась тотчасъ о томъ по свъту ръчь. Страхъ обнялъ жителей нептуновой столицы *; Летятъ стадами птицы; А звъри изъ лъсовъ сбъгаются смотръть, Какъ будетъ океанъ, и жарко ли, горѣть. И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой, Охотники таскаться по пирамъ Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ, Чтобъ похлебать ухи такой богатой, Какой-де откупщикъ и самый тороватый Не давывалъ секретарямъ. Толпятся, чуду всякъ заранѣе дивится, Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ; Лишь изрѣдка иной шепнетъ:

^{*} Жителей моря (рыбъ).

— «Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!»

Не тутъ-то: море не горитъ.

Кипитъ ли хоть? — И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ-свояси уплыла;

Надѣлала Синица славы,

А моря не зажгла.

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится, Но ничьего не трогая лица:
Что дѣломъ, не сведя конца,
Не надобно хвалится.

16. Слонъ и Моська.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, — такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
— «Сосѣдка, перестань срамиться,» —
Ей Шавка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»

47

— «Эхъ, эхъ!» — ей Моська отвѣчаетъ: —

«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,

Что я совсѣмъ безъ драки Могу попасть въ большія забіяки. Пускай же говорятъ собаки: Ай, Моська! знать, она сильна, Что лаетъ на слона!»

17. Кукушка и Пѣтухъ.

— «Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!» «А ты, Кукушечка, мой свѣтъ,

Какъ тянешь плавно и протяжно:

Во всѣмъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»

— «Тебя, мой куманекъ, въкъ слушать я готова.» «А ты, красавица, божусь,

Лишь только замолчишь, то жду я не дождусь, Чтобъ начала ты снова...

Отколь такой берется голосокъ?

И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..

Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички,

А пѣсни, что твой соловей!»

— «Спасибо, кумъ; зато, по совъсти моей, Поешь ты лучше райской птички:

На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я.»

Тутъ Воробей, случась, промолвилъ имъ: — «Друзья, Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,

Все ваша музыка плоха!,»

За что же, не боясь грѣха, Кукушка хвалитъ пѣтуха? — За то, что хвалитъ онъ кукушку.

18. Муравей.

Какой-то Муравей быль силы непомърной, Какой не слыхано ни въ древни времена; Онъ даже (говоритъ его историкъ върный) Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна! Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:

Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,

Тотчасъ въ него впивался,

И даже хаживалъ одинъ на паука:

И тъмъ вошелъ въ такую славу Онъ въ муравейникъ своемъ, Что только и ръчей тамъ было, что о немъ, Я лишнія хвалы считаю за отраву; Но этотъ Муравей быль не такого нраву:

Онъ ихъ любилъ,

Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ, И всѣмъ имъ вѣрилъ;

А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,

Что вздумалъ въ городъ показаться,

Чтобъ силой тамъ повеличаться.

На самый крупный съ съномъ возъ

Онъ къ мужику спесиво всползъ И въѣхалъ въ городъ очень пышно;

Но, ахъ, какой для гордости ударъ!

Онъ думалъ, — на него сбѣжится весь базаръ,

Какъ на пожаръ;

А про него совсъмъ не слышно:

У всякаго забота тамъ своя.

Мой Муравей, то, взявъ листокъ, потянетъ, То припадетъ онъ, то привстанетъ:

Никто не видитъ Муравья. Уставши, наконецъ, тянуться, выправляться, Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,

Который у воза хозяйскаго лежалъ:

— «Не правда ль, надобно признаться, Что въ городъ у васъ

Народъ безъ толку и безъ глазъ?

Возможно-ль, что меня никто не примъчаетъ,

Какъ ни тянусь я цълый часъ;

А, кажется, у насъ

Меня весь муравейникъ знаетъ.» И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной
Затъйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

19. Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ, Другая —

Пустая.

Вотъ первая себъ безъ шуму и шажкомъ Плетется,

Другая вскачь несется;

Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,

И пыль столбомъ;

Прохожій къ сторонъ скоръй отъ страху жмется,

Ее заслышавши издалека; Но какъ та бочка ни громка, А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку, Въ томъ, вѣрно, мало толку; Кто дѣловъ истинно, — тихъ часто на словахъ. Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ, И думаетъ свою онъ крѣпку думу Безъ шуму.

IV. Неразумная переимчивость.

20. Скворецъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успъхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсъмъ не годенъ.
А мой совътъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дълахъуспъшный былъ конецъ.

Какой-то смолоду Скворецъ
Такъ пъть щегленкомъ научился,
Какъ-будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голосомъ весь лъсъ онъ веселилъ
И всякій Скворушку хвалилъ,

Иной бы былъ такой доволенъ частью; Но Скворушка услышь, что хвалятъ соловья, А Скворушка завистливъ былъ къ несчастью, — И думаетъ: «постойте же, друзья,

Спою не хуже я И соловьинымъ ладомъ». И подлинно запѣлъ.

Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:

То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ, То верещалъ козленкомъ, То не путемъ

Мяукалъ онъ котенкомъ; И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньёмъ. Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ? Пой лучше хорошо щегленкомъ, Чѣмъ дурно соловьемъ.

21. Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, А сапоги тачать пирожникъ: И дѣло не пойдетъ на ладъ, Да и примѣчено стократъ, Что кто за ремесло чужое браться любитъ, Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй: Онъ лучше дѣло все погубитъ, И радъ скорѣй Посмѣшищемъ стать свѣта, Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта. Зубастой Щукъ въ мысль пришло За кошачье приняться ремесло. Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ, Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ; Но только вздумала Кота она просить, Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту Мышей въ амбаръ половить.

«Да полно, знаешь ли ты эту, свътъ, работу?» —
 Сталъ Щукъ Васька говорить: —
 «Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

Не даромъ говорится, Что дъло мастера боится».

- «И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей! Мы лавливали и ершей».
- «Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли. Натѣшился, наѣлся Котъ, И кумушку провѣдать онъ идетъ;

А Щука, — чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, И крысы хвостъ у ней отъѣли.

Тутъ видя, что кумъ совсъмъ не въ силу трудъ Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, Шука, Тебѣ наука: Впередъ умнѣе быть, И за мышами не ходить.

22. Ворона.

Когда не хочешь быть смѣшонъ,

Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.

Простолюдинъ, со знатью не роднися; И если карлой сотворенъ, То въ великаны не гонися, А помни свой ты чаще ростъ.

Утыкавши себѣ павлинымъ перьемъ хвостъ, Ворона съ павами пошла гулять спесиво,

И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всъ заглядятся, какъ на диво;
Что панамъ всъмъ она сестра,
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ двора.

Какой же вышелъ плодъ ея высокомърья? Что павами она ощипана кругомъ, И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,

Не говоря ужъ о чужомъ, На ней и своего осталось мало перья.

Она, было, назадъ къ своимъ, но тъ совсъмъ

Заклеванной Вороны не узнали, Ворону вдосталь ощипали, И кончилась ея затъя тъмъ, Что отъ воронъ она отстала, А къ павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню. Матренъ, дочери купецкой, мысль припала, Чтобъ въ знатную войти родню. Приданаго за ней полмилліона. Вотъ выдали Матрену за барона,

Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась; А старая за то, что къ знатнымъ приплелась: И сдѣлалась моя Матрена Ни пава, ни ворона.

23. Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравнятся, —
Она завистлива была, —
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
— «Смотри-ка, квакушка, что буду ль я съ него?» —
Подругѣ говорить. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
— Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».
— «Ну, какъ теперь?» — «Все то жъ». Пыхтѣла да пыхтѣла,

И кончила моя затъйница на томъ, Что, не сравнявшися съ воломъ, Съ натуги лопнула и — околъла.

Примъръ такой на свътъ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мъщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

24. Обезьяны.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо И пользу отъ того сыскать; А безъ ума перенимать, И Боже сохрани, какъ худо! Я приведу примъръ тому изъ дальнихъ странъ. Кто обезьянъ видалъ, тъ знаютъ,

Какъ жадно все онъ перенимаютъ.

Такъ въ Африкъ *, гдъ много обезьянъ, Ихъ стая цълая сидъла

По сучьямъ, по вътвямъ на деревъ густомъ И на ловца украдкою глядъла,

Какъ по травъ въ сътяхъ катался онъ кругомъ.

Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,

И шепчутъ всѣ другъ другу:

--«Смотрите-ка на удальца;

Затъямъ у него, такъ право, нътъ конца:

То кувыркнется, То развернется, То весь въ комокъ Онъ такъ сберется,

Что не видать ни рукъ, ни ногъ. Ужъ мы ль на все не мастерицы,

А этого у насъ искусства не видать!

Красавицы сестрицы! Не худо бы намъ это перенять.

Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ,

^{*} Африка — часть свѣта, жаркая страна.

Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ...» Глядь, Онъ подлинно ушелъ и сѣти имъ оставилъ. — «Что жъ», — говорятъ онѣ, — «и время намъ терять?

Пойдемъ-ка попытаться!»

Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей Разостлано внизу премножество сътей. Ну въ нихъ онъ кувыркаться, кататься, И кутаться, и завиваться; Кричатъ, визжатъ, — веселье хоть куда! Да вотъ бъда, Когда пришло изъ съти выдираться! Хозяинъ между тъмъ стерегъ, И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мъшками. Онъ — чтобъ на утекъ, Да ужъ никто распутаться не могъ, И всъхъ ихъ побрали руками.

V. Невѣжество.

25. Квартетъ. *

Проказница-Мартышка, Оселъ, Козелъ

^{*} Сыграть квартетъ — сыграть вчетверомъ.

Да косолапый Мишка Затъяли сыграть квартетъ.

Достали нотъ, баса, альта, двъ скрипки

И съли на лужокъ подъ липки

Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.

Ударили въ смычки, — дерутъ, а толку нъть.

— «Стой, братцы, стой!» — кричитъ Мартышка: — «погодите!

Какъ музыкъ идти? Въдь, вы не такъ сидите.

Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,

Я, прима, сяду противъ вторы; *

Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:

У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!» Разсѣлись, начали квартетъ;

Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.

— «Постойте жъ, я сыскалъ секретъ, Кричитъ Оселъ: — «мы, вѣрно, ужъ поладимъ, Коль рядомъ, сядемъ.»

Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;

А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.

Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы

И споры,

Кому и какъ сидъть.

Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть. Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить

сомнѣнье:

— «Пожалуй,» — говорятъ, — «возьми на часъ терпѣнье,

Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:

^{*} Прима — первая скрипка, втора — вторая скрипка.

И ноты есть у насъ, и инструменты есть;

Скажи лишь, какъ намъ състь!»

— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умънье
И уши вашихъ понъжнъй,» —
Имъ отвъчаетъ Соловей: —
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.»

26. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья И говоритъ ему: — «Послушай-ка, дружище! Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:

Хотълъ бы очень я Самъ посудить, твое услышавъ пънье, Велико ль подлинно твое умънье?»

Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:

Защелкалъ, засвисталъ

На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;

То нѣжно онъ ослабѣвалъ

И томной вдалекъ свирълью отдавался,

То мелкой дробью вдругъ по рощъ разсыпался.

Внимало все тогда

Любимцу и пъвцу Авроры: *

Затихли вътерки, замолкли птичекъ хоры,

И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался. И только иногда,

^{*} Aврора — утренняя заря (сказочная богиня утренней зари).

Вникая Соловью, пастушкъ улыбался. Скончалъ пъвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,

— «Изрядно,» — говоритъ: — «сказать не ложно, Тебя безъ скуки слушать можно:

А жаль, что не знакомъ Ты съ нашимъ пътухомъ:

Еще бъ ты болѣ навострился, Когда бы у него немножко поучился.» Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

27. Пътухъ и Жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ Жемчужное зерно,
И говоритъ: — «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ!
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно.»

Невѣжи судятъ точно такъ: Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

28. Мартышка и Очки. *

Очки не дъйствуютъ никакъ.
— «Тьфу пропасть!» — говоритъ она: — «и тотъ

дуракъ,

Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ: Все про Очки лишь мнѣ налгали; А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.» Мартышка тутъ съ досады и съ печали О камень такъ хватила ихъ, Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей: Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей, Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ; А ежели невѣжда познатнѣй, Такъ онъ ее еще и гонитъ.

^{*} Мартышка — обезьяна.

29. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ Дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей до-сыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у Дуба корни стала.
— «Вѣдь это дереву вредитъ,» —
Ей съ дуба Воронъ говоритъ; —
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.»
— «Пусть сохнетъ,» — говоритъ Свинья:
«Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;

Лишь были бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.»

— «Неблагодарная!» — примолвилъ Дубъ ей тутъ: —

«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,

Тебѣ бы видно было,

Что эти желуди на мнѣ растутъ».

Невъжда такъ же въ ослъпленьъ
Бранитъ научи и ученье,
И всъ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

VI. Бездълье, трудъ полезный и безполезный.

30. Муха и Пчела.

> Вотъ, напримъръ, мое Такъ, право, райское житье! За мною только лишь и дъла, — Летать по баламъ, по гостямъ:

И молвить, не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы Вельможъ и богачей всѣ домы.

Когда бъ ты видъла, какъ я пирую тамъ:

Гдѣ только свадьба, именины, Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ,

И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,

И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,

И прежде всѣхъ гостей

Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей; Притомъ же, жалуя полъ нѣжный, Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь И отдыхать у нихъ сажусь

На щечкъ розовой иль шейкъ бълоснъжной».

— «Все это знаю я», — отвътствуетъ Пчела: — «Но и о томъ дошли мнъ слухи,

Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщаться отъ Мухи,
Что даже часто, гдъ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ»
— «Вотъ», — Муха говоритъ: — «гоняютъ! что жъ
такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое».

31. Обезьяна.

Какъ хочешь ты трудись, Но прібрѣсть не льстись Ни благодарности, ни славы, Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой Надь полосой своей трудился; Трудился такъ крестьянинъ мой, Что градомъ потъ съ него катился: Мужикъ работникъ быль прямой. Зато, кто мимо ни проходитъ, Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать! * Мартышку это въ зависть вводитъ, Хвалы приманчивы, — какъ ихъ не пожелать! Мартышка вдумала трудиться: Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться! Хлопотъ Мартышкѣ полонъ ротъ:

^{*} Исполать — много лътъ здраствовать.

Чурбанъ она то понесеть,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышетъ,
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

32. Бѣлка.

Въ деревнѣ, въ праздникъ подъ окномъ Помѣщичьихъ хоромъ

Народъ толпился;

На Бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился, Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ; Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,

И раздувался пышный хвостъ.

— «Землячка старая», — спросилъ тутъ Дроздъ: «нельзя ли

Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?» — «Охъ, милый другъ! тружусь день весь:

Я по дъламъ гонцомъ у барина большого;

Ну некогда ни пить, ни ъсть,

Ни даже духу перевесть».

И Бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.

— «Да, — улетая Дроздъ сказалъ: — то ясно мнѣ, Что ты бѣжишь, а все на томъ же ты окнѣ.

Посмотришь на дѣльца иного:

Хлопочетъ, мечется, — ему дивятся всѣ; Онъ, кажется, изъ кожи рвется, Да только все въ передъ не подается, Какъ бѣлка въ колесѣ.

33. Паукъ и Пчела.

По мнъ таланты тъ не годны, Въ которыхъ свъту пользы нътъ, Хоть иногда имъ и дивится свътъ.

Купецъ на ярмарку привезъ полотна; Они — такой товаръ, что надобно для всъхъ. Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ: Покупщиковъ отбою нѣть; у лавки Доходитъ иногда до давки. Увидя, что товаръ такъ ходко идетъ съ рукъ, Завистливый Паукъ На барыши купца прельстился; Задумалъ на продажу ткать, Купца затъялъ подорвать, И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился. Основу основалъ, проткалъ насквозь всю ночь, Поставилъ свой товаръ на диво, Засѣлъ, надувшися спесиво, Отъ лавки не отходитъ прочь, И думаетъ — лишь только день настанетъ, То всѣхъ покупщиковъ къ себѣ онъ переманитъ. Вотъ день насталъ; но что жъ? Проказника метлой Смели и съ лавочки долой.

Паукъ мой бѣсится съ досады, — «Вотъ, — говоритъ: — жди праведной награды! На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣе тканье: Купцово иль мое?»

— «Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ!» — Пчела отвѣтствуетъ: — «извѣстно то давно; Да что въ немъ проку, коль оно Не одѣваетъ и не грѣетъ?»

34. Трудолюбивый Медвъдь.

Увидя что мужикъ, трудяся надъ дугами, Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ (А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ). Медвъдь задумалъ жить такими же трудами. Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ, И слышно за версту проказу. Орѣшника, березняка и вязу Мой Мишка погубилъ несмътное число, А не дается ремесло. Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совъта, И говоритъ: — «сосъдъ, что за причина эта? Деревья-таки я ломать могу, А не согнулъ ни одного въ дугу. Скажи, въ чемъ есть тутъ главное уменье? — «Въ томъ», — отвъчалъ сосъдъ, — «Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ: Въ терпѣньѣ».

35. Двѣ собаки.

Дворовый върный песъ, Барбосъ,

Который барскую усердно службу несъ, Увидѣлъ старую свою знакомку, Жужу, кудрявую болонку

На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.

Къ ней ластяся, какъ-будто бы къ роднѣ, Онъ съ умиленья чуть не плачетъ, И подъ окномъ

Визжитъ, вертитъ хвостомъ И скачетъ.

- «Ну, что, Жужутка, какъ живешь Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли? Вѣдь, помнишь, — на дворѣ мы часто голодали? — Какую службу ты несешь?»
- «На счастье грѣхъ роптать», Жужутка отвъчаетъ:—

«Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ; Живу въ довольствѣ и добрѣ,

И ѣмъ, и пью на серебрѣ;

Рѣзвлюся съ бариномъ, а ежели устану, Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.

Ты какъ живешь?» — «Я,» — отвѣчалъ Барбосъ, Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:

«Живу попрежнему: терплю и холодъ, И голодъ,

И, сберегаючи хозяйскій домъ, Здѣсь, подъ заборомъ сплю, и мокну подъ дождемъ; А если невпопадъ залаю, То и побои принимаю. Да чъмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ, Безсиленъ бывши такъ и малъ, Межъ тъмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно? Чъмъ служишь ты?» — «Чъмъ служишь! Вотъ прекрасно!» —

Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу: — «На заднихъ лапкахъ я хожу.»

Какъ счастье многіе находятъ Лишь тъмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

36. Стрекоза и Муравей.

Попрыгунья Стрекоза Лѣто красное пропѣла; Оглянуться не успъла, Какъ зима катитъ въ глаза. Помертвъло чисто поле; Нътъ ужъ дней тъхъ свътлыхъ болъ, Какъ подъ каждымъ ей листкомъ Былъ готовъ и столъ, и домъ. Все прошло: съ зимой холодной Нужда, голодъ настаетъ; Стрекоза ужъ не поетъ: И кому же въ умъ пойдетъ На желудокъ пъть голодный! Злой тоской удручена, Къ Муравью ползетъ она: «Не оставь меня, кумъ милый!

Дай ты мнѣ собраться съ силой, И, до вешнихъ только дней, Прокорми и обогрѣй!»

— «Кумушка, мнѣ странно это: — Да работала ль ты въ лѣто?»
Говоритъ ей Муравей.

— «До того ль, голубчикъ, было! Въ мягкихъ муравахъ у насъ Пѣсни, рѣзвость всякій часъ, Такъ что голову вскружило.»

— «А, такъ ты...» — «Я безъ души Лѣто цѣлое все пѣла.»

— «Ты все пѣла? это дѣло: Такъ поди же попляши!»

37. Старикъ и трое молодыхъ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
«Ужъ пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!» —
Такъ, старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали;
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маюусаилъ? *
Оставь, Старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣватъ толь дальніе разсчеты?

^{*} *Маюусаилъ*, по сказанію Библіи, жилъ дольше всѣхъ людей (около тысячи лѣтъ).

Едва ли для тебя текущій въренъ часъ.
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвътемъ и кръпостью, и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой.»
— «Друзья!» — смиренно имъ отвътствуетъ старикъ:—
«Издътства я къ трудамъ привыкъ;

А если отъ того, что дѣлать начинаю, Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю, То, признаюсь,

За трудъ такой еще охотнъе берусь. Кто добръ, не все лишь для себя трудится. Сажая деревцо, и тъмъ я веселюсь, Что если отъ него самъ тъни не дождусь, То внукъ мой нъкогда сей тънью насладится:

И это для меня ужъ плодъ.

Да можно ль и за то ручаться напередъ, Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ? Смерть смотритъ ли на молодость, на силу Или на прелесть лицъ?

Ахъ, въ старости моей прекраснъйшихъ дъвицъ И кръпкихъ юношей я провожалъ въ могилу! Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ, И что сыра земля покроетъ прежде васъ.» Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послъ то и было. Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ; Надеждой счастіе сперва ему польстило;

Но бурею корабль разбило:

Надежду и пловца — все море поглотило.

Другой въ чужихъ земляхъ, Предавшися порока власти, За роскошь, нѣгу и за страсти, Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ. А третій въ жаркій день холоднаго испилъ И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,

А тъ его до смерти залъчили.

Узнавши о кончинѣ ихъ, Нашъ добрый Старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

38. Прудъ и Рѣка.

«Что это,» — говорилъ Рѣкѣ сосѣдній прудъ: — «Какъ на тебя ни взглянешь,

А воды все твои текутъ!

Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?

Притомъ же, вижу я почти всегда, —

То съ грузомъ тяжкія суда,

То долговязые плоты ты носишь;

Ужъ я не говорю про лодки, челноки, —

Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь? Я, право, высохъ бы съ тоски.

Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ! Конечно, я не знатенъ,

По картъ не тянусь я черезъ цълый листъ,

Мнъ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ:

Да это, право, все пустое!

Зато я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,

Какъ барыня въ пуховикахъ,

Лежу и въ нъгъ, и въ покоъ;

Не только что судовъ

Или плотовъ

Мнъ здъсь не для чего страшиться:

Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ; И много, ежели случится, Что по водъ моей чуть зыблется листокъ, Когда его ко мнъ заброситъ вътерокъ. Что беззаботную замънитъ жизнь такую? За вътрами со всъхъ сторонъ,

Не движась, я смотрю на суету мірскую, И философствую * сквозь сонъ.»

— «А, философствуя, ты помнишь ли законъ,» — Ръка на это отвъчаетъ, —

«Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ? И если стала я великою Рѣкой,

Такъ это оттого, что, кинувши покой, Послъдую сему уставу;

Зато по всякій годъ,

Обиліемъ и чистотою водъ, И пользу приношу, и въ честь вхожу, и въ славу, И буду, можетъ, быть, еще я вѣки течь, Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ, И о тебѣ совсѣмъ изчезнетъ рѣчь.» Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ,

А бѣдный Прудъ годъ-отъ-году все глохъ, Заволоченъ весь тиною глубокой, Зацвѣлъ, заросъ осокой И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ, Слабѣя всякій день, Когда имъ овладѣетъ лѣнь,

73

^{*} Философствую — продаюсь размышленію.

И оживлять его дѣятельность не станетъ.

добро и зло для другого.

I. Взаимное отношеніе между сильнымъ и слабымъ.

39. Мышь и Крыса.

«Сосъдка! слышала ль ты добрую молву?» — Вбъжавши, Крысъ Мышь сказала: — «Въдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву. Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!»

— «Не радуйся, мой свътъ,» — Ей Крыса говоритъ въ отвътъ: — «И не надъйся попустому! Коль до когтей у нихъ дойдетъ, То, върно, льву не быть живому: Сильнъе кошки звъря нътъ!»

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами: Когда боится трусъ кого, То думаетъ, что на того Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

40. Левъ и Лисица.

Лиса, не видя сроду Льва, Съ нимъ встрътясь, со страстей осталась чуть жива. Вотъ, нъсколько спустя, опять ей Левъ попался; Но ужъ не такъ ей страшенъ показался; А третій разъ потомъ Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

> Иного такъ же мы боимся, Поколь къ нему не приглядимся.

41. Левъ и Волкъ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка; А Собачонка, Вертясь вкругъ царскаго стола, У Льва изъ подъ когтей кусочекъ урвала; И царь звърей то снесъ, не огорчась ни мало: Она глупа еще и молода была.

Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Левъ, конечно, не силенъ.
Коль такъ смиренъ;
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ Волкомъ худо:
Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: — «дружокъ!
Напрасно, смотря на Собачку,
Ты вздумалъ, что тебъ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!»

42. Левъ на ловлъ.

Собака, Левъ, да Волкъ съ Лисой

Въ сосъдствъ какъ-то жили, И вотъ какой Между собой Они завътъ всъ положили:

Чтобъ имъ звърей собща ловить,

И, что наловится, все поровну дълить.

Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала

Лиса оленя поимала,

И шлетъ къ товарищамъ пословъ, Чтобъ шли дълить счастливый ловъ: Добыча, право, не дурная!

Пришли; пришелъ и Левъ; онъ, когти разминая И озираючи товарищей кругомъ,

Дѣлежъ располагаетъ,

И говоритъ: — «Мы братцы вчетверомъ.» И на-четверо онъ оленя раздираетъ.

— «Теперь давай дълить! Смотрите же, друзья:

Вотъ эта часть моя, По договору;

Вотъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежитъ, безъ спору; Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я; А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ, Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.»

43. Волкъ и Ягненокъ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ; Тому въ исторіи мы тьму примъровъ слышимъ, Но мы исторіи не пишемъ; А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ. Ягненокъ въ жаркій день пришелъ къ ручью напиться; И надобно-жъ бѣдѣ случиться, Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ. Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится; Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ, Кричитъ: — «Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ

Здѣсь чистое мутить питье Мое

Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!»

— «Когда свътлъйшій Волкъ позволить, Осмълюсь я донесть, что ниже по ручью Отъ свътлости его шаговъ я на сто пью,

И гнѣваться напрасно онъ изволитъ: Питья мутить ему никакъ я не могу.»

— «Поэтому я лгу?

Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ! Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ

Мнъ здъсь же какъ-то нагрубилъ:

Я этого, пріятель, не забылъ!»

— «Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,» Ягненокъ говоритъ. — «Такъ это быль твой брать.» — «Нѣть братьевъ у меня.» — «Такъ это кумъ иль сватъ, И словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду, — Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы всѣ мнѣ зла хотите, И если можете, вы мнѣ всегда вредите; Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.» — «Ахъ, я чѣмъ виноватъ?» — Молчи, усталь я слушать.

Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ! Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать.» Сказалъ, и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

44. Моръ Звърей.

Лютъйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — моръ Свиръпствуетъ въ лъсахъ. Уныли звъри;

Въ адъ распахнулись настежь двери; Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ; Вездъ разметаны ея свиръпства жертвы;

Неумолимая, какъ сѣно, коситъ ихъ;

А тѣ, которые въ живыхъ,

Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:

Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ; Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ: Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ, какъ монахъ; Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;

> Имъ и ѣда на умъ нейдетъ. Съ голубкой голубь врозь живетъ, Любви въ поминѣ больше нѣтъ:

А безъ любви какое ужъ веселье? Въ семь горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ. Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души. Сбрелись и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,

Уставили глаза, и приложили уши.

«О, други! — началъ левъ: — «по множеству грѣховъ Подпали, мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;

Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ, Пускай по доброй волѣ

Отдастъ себя на жертву имъ!

Быть можетъ, что богамъ мы угодимъ,

И теплое усердье нашей въры Смягчитъ жестокость гнъва ихъ.

Кому невъдомо изъ васъ, друзей моихъ, Что добровольныхъ жертвъ такихъ

Бывали многіе въ исторіи примѣры? Итакъ, смиря свой духъ,

Пусть исповъдуетъ здъсь всякій вслухъ,

Въ чемъ согръшилъ когда онъ вольно иль невольно.

Покаемся, мои друзья!

Охъ, признаюсь, — хоть это мнѣ и больно, — Не правъ и я!

Овечекъ бъдненькихъ — за что? — совсъмъ безвинно Диралъ безчинно;

А иногда — кто безъ грѣха? — Случалось, дралъ и пастуха; И въ жертву предаюсь охотно;

Но лучше бъ намъ всѣмъ вмѣстѣ перечесть

Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть, Того бы въ жертву и принесть,

И было бы богамъ то болѣе угодно».

— «О, царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты»,

Лисица говоритъ, — «въ грѣхъ это ставишь ты. Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать, То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;

> Притомъ же, нашъ отецъ, Повърь, что это честь большая для овецъ,

Когда ты ихъ изволишь кушать. А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ, Ихъ чаще такъ учить, — имъ это по дѣломъ: Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышетъ,

И нашими себя вездѣ царями пишетъ».

Окончила лиса, за ней, на тотъ же ладъ,

Льстецы льву то же говорятъ,

И всякій доказать спѣшитъ на-перехватъ, Что даже не въ чемъ льву просить и отпущенья, За львомъ медвѣдь и тигръ, и волки, въ свой чередъ,

Во весь народъ

Повъдали свои смиренно погръшенья; Но ихъ безбожныхъ самыхъ дълъ Никто и шевелить не смълъ; И всъ, кто были тутъ богаты Иль когтемъ, иль зубомъ, тъ вышли вонъ Со всъхъ сторонъ.

Не только правы, чуть не святы. Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычитъ: — «И мы

Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы Намъ были худы, На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ: Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды, Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ». При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;

Кричатъ медвъди, тигры, волки:

— «Смотри, злодѣй какой! Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво ли, что боги За беззаконіе его къ намъ столько строги! Его, безчинника съ рогатой головой, Его принесть богамъ за всѣ его проказы, Чтобъ и тѣла намъ спасть, и нравы отъ заразы, Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!»

Приговорили —
И на костеръ вола взвалили.

И въ людяхъ такъ-же говорятъ: Кто посмирнъй, такъ тотъ и виноватъ.

45. Орелъ и Кротъ.

Не презирай совъта ничьего, Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ. Орелъ съ Орлицею вдвоемъ
Задумалъ навѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится,

Такъ чтобъ орелъ гнѣзда на немъ не вилъ. Но кстати ли Орлу принять совѣтъ изъ норки И отъ крота! А гдѣ же похвала,

Что у Орла Глаза такъ зорки? И что за стать Кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла Царь-птицы!

Такъ многаго съ Кротомъ не говоря, Къ работъ покоръй, совътчика презря,

И новоселье у царя

Поспъло скоро для царицы.

Все счастливо: ужъ есть и дъти у Орлицы.

Но что-жъ? — Однажды, какъ зарей

Орелъ изъ-подъ небесъ къ сомьѣ своей Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,

Онъ видитъ: дубъ его свалился,

И подавило имъ Орлицу и дътей.

Отъ горести не взвидя свъта,

— «Несчастный»! — онъ сказалъ: —

«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ, Что не послушался я умнаго совъта.

Но можно ль было ожидать.

Чтобы ничтожный Кротъ совътъ могъ добрый дать?»

— «Когда бы ты не презрѣлъ мною», —

Изъ норки Кротъ сказалъ: — «то вспомнилъ бы, что рою

Свои я норы подъ землей, И что, случаясь близь корней, Здорово ль дерево, я знать могу върнъй».

46. Левъ и Мышь.

У Льва просила Мышь смиренно позволенья, По близости его въ дуплъ завесть селенье, И такъ промолвила: — «хотя де здъсь, въ лъсахъ,

Ты и могучъ, и славенъ; Хоть въ силѣ Льву никто не равенъ, И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ; Но будущее кто угадывать возьмется: Какъ знать, кому въ комъ нужда доведется! И какъ я ни мала кажусь,

А, можетъ быть, подчасъ тебъ и пригожусь».

— «Ты»! — вскрикнулъ Левъ; — «ты, жалкое созданье! За эти дерзкія слова

Ты стоишь смерти въ наказанье! Прочь, прочь отсель, пока жива, Иль твоего не будетъ праху».

Тутъ Мышка бѣдная, не вспомняся отъ страху, Со всѣхъ пустилась ногъ, — простылъ ея и слѣдъ. Льву даромъ не прошла однако-жъ гордость эта: Отправяся искать добычи на обѣдъ,

Попался онъ въ тенета...

Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ, Какъ онъ ни рвался, ни метался,

Но все добычею охотника остался, И въ клѣткѣ на показъ народу увезенъ.

Про Мышку бъднуго тутъ поздно вспомнилъ онъ,

Чтобы помочь она ему сумѣла, Что сѣть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла, И что его своя кичливость съѣла.

Читатель, истину любя, Промолвлю въ баснъ я, и то не отъ себя: Не попусту въ народъ говорится: Не плюй въ колодезь, — пригодится Воды напиться.

47. Левъ и Комаръ.

Безсильному не смѣйся, И слабаго обидѣть не моги! Мстятъ сильно иногда безсильные враги, Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!

Послушай басню здѣсь о томъ, Какъ больно Левъ за спесь наказанъ Комаромъ.

Вотъ что о томъ я слышалъ стороною. Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ. Зло взяло Комара: обиды не стерпѣвъ, Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною. Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань И вызываетъ Льва на смертоносну брань.

Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутить: То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ! И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,

Орломъ на Льва спустился,

И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился. Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача. Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не труситъ: Льву сѣлъ на самый лобъ, и львину кровь сосетъ. Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ;

Но нашъ герой свое несетъ;

То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ... Вздурился Левъ,

Престрашный поднялъ ревъ, Скрежещетъ съ ярости зубами И землю онъ деретъ когтями. Отъ рыка грознаго окружный лъсъ дрожитъ.

Отъ рыка грознаго окружный лъсъ дрожитъ. Страхъ обнялъ всъхъ звърей; все кроется, бъжитъ;

Отколь у всѣхъ взялися ноги, Какъ-будто бы пришелъ потопъ или пожарь! И кто жъ? Комаръ

Надълалъ столько всъмъ тревоги! Рвался, метался Левъ, и, выбившись изъ силъ, О землю грянулся и миру запросилъ. Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ; И самъ

Летитъ трубить свою побъду по лъсамъ.

48. Левъ состаръвшійся.

Могучій Левъ — гроза лъсовъ, Постигнутъ старостью, лишился силы: Нъть кръпости въ когтяхъ, нътъ острыхъ тъхъ зубовъ, Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ, И самого едва таскаютъ ноги хилы; А что всего больнъй, — Не только онъ теперь не страшенъ для звърей, Но всякъ за старыя обиды Льва въ отмщенье, Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье: То гордый Конь его копытомъ кръпкимъ бьетъ, То зубомъ волкъ рванетъ, То острымъ рогомъ Волъ боднетъ. Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ, Сжавъ сердце, терпитъ все, и ждетъ кончины злой, Лишь изъявляя ропотъ свой Глухимъ и томнымъ рыкомъ:

И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе.
— «О, боги»! — возопилъ, стеная, Левъ тогда:
 «Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
 Какъ смерть моя ни зла —
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ Осла».

II. Дружба, товарищество.

49. Крестьянинъ и Змѣя.

Змъя къ Крестьянину пришла проситься въ домъ, Не попустому жить, безъ дѣла; Нътъ, нянчить у него дътей она хотъла: Хлѣбъ слаще, нажитый трудомъ! — «Я знаю», — говоритъ она, — «худую славу, Которая у васъ, людей, Идетъ про змѣй, Что всѣ онѣ презлого нраву; Изъ древности гласить молва, Что благодарности онъ не знаютъ; Что нътъ у нихъ ни дружбы, ни родства; Что даже собственныхъ дътей онъ съъдаютъ. Все это можетъ быть; но я не такова: Я съ роду никого не только не кусала, Но такъ гнушаясь зла, Что жало у себя я вырвать бы дала, Когда бъ я знала,

Что жить могу безъ жала; И, словомъ, я добрѣй Всѣхъ змѣй:

Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!»
— «Коль это,» — говоритъ Крестьянинъ, — «и не ложно»

Все мнѣ принять тебя не можно: Когда примѣръ такой У насъ полюбятъ, Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей,

Одной,

Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ. Да, кажется, голубушка моя, И потому съ тобой мнѣ не ужиться, Что лучшая змѣя, По мнѣ, ни къ чорту не годится.»

50. Волкъ и Лисица.

Охотно мы даримъ, Что намъ не надобно самимъ. Мы это басней пояснимъ, Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ, Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ. Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.

— «Что, кумушка, бѣды!» — онъ говоритъ: «Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;

Меня такъ голодъ и моритъ; Собаки злы, пастухъ не спитъ, Пришло хоть удавиться!» — «Неужли?» — «Право такъ.» — «Бъдняжкакуманекъ!

Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ: Я куму услужить готова.»

А куму не сънца, хотълось бы мясного:

Да про запасъ Лиса ни слова. И сърый рыцарь мой, Обласканъ по уши кумой, Пошелъ безъ ужина домой.

51. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залъзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клъть и, на просторъ

Ошаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ, Покралъ безсовѣстно, что могъ;

> И то сказать: какая совъсть въ воръ! Ну такъ, что нашъ мужикъ, бъднякъ,

Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,

Хоть по міру поди съ сумою;

Не дай Богъ никому проснуться худо такъ! Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,

Родню сзываетъ и друзей, Сосъдей всъхъ и кумовей.

— «Нельзя ли,» — говоритъ, — «помочь бѣдѣ моей?» Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,

И умный свой даетъ совътъ. Кумъ Карпычъ говоритъ: — «Эхъ, свътъ! Не надобно было тебъ по міру славить.

Что столько ты богатъ.»

Сватъ Климычъ говоритъ: — «Впередъ, мой милый сватъ,

Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.»
— «Эхъ, братцы, это все не такъ,» —
Сосѣдъ толкуетъ Фока: —
«Не то бѣда, что клѣть далека,

Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ; Возьми-ка у меня щенка любого

Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда дорогого Отъ сердца надѣлить, Чѣмъ ихъ топить.»

И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ, Кто сколько могъ,

А дъломъ ни, одинъ бъдняжкъ не помогъ.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься, Отвѣдай сунуться къ друзьямъ: Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямь: А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься, То лучшій другъ — И нѣмъ, и глухъ.

52. Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ

На солнышкъ Полканъ съ Барбосомъ грълись.

Хоть у воротъ передъ дворомъ Пристойнъе бъ стеречь имъ было домъ;

Но какъ они ужъ понаѣлись — И вѣжливые жъ псы, притомъ, Ни на кого не лаютъ днемъ, —

Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ О всякой всячинъ: о ихъ собачьей службъ

О худъ, о добръ и, наконецъ, о дружбъ.

— «Что можетъ», — говоритъ Полканъ, — «пріятнъй быть,

Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить; Во всемъ оказывать взаимную услугу; Не спить безъ друга и не съѣсть, Стоять горой за дружню шерсть, И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу, Чтобъ только улучить счастливый часъ,

Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить, И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить.

Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ Такая дружба завелась:

Скажу я смѣло,

Мы бъ и не видъли, какъ время бы летъло».

—«А что же? это дѣло!» — Барбосъ отвѣтствуетъ ему: —

«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому, Что, бывши одного двора съ тобой собаки,

Мы дня не проживемъ безъ драки;

И изъ чего? Спасибо господамъ:

Ни голода, ни тѣсно намъ! Притомъ же, право, стыдно: Песъ дружества слыветъ примъромъ съ давнихъ дней: А дружбы между псовъ, какъ-будто межъ людей, Почти совсъмъ не видно».

— «Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена», Вскричалъ Полканъ: — «дай лапу»! — «Вотъ она»! И новые друзья ну обниматься,

Ну цѣловаться;

Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться: «Орестъ мой!» — «Мой Пиладъ! *

Прочь, свары, зависть, злость!» Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость. Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся;

Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся, Лишь только клочья вверхъ летятъ; Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

Свътъ полонъ дружбою такою. Про нынъшнихъ друзей льзя молвить, не гръша, Что въ дружбъ всъ они едва ль не одинаки: Послушать, кажется, одна у нихъ душа; А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

53. Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру, Что лесть гнусна, вредна, но только все не впрокъ, И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

92

-

^{*} Орестъ и Пиладъ — друзья, образецъ истинной дружбы.

Воронъ гдъ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру; На ель Ворона взгромоздясь, Позавтракать-было совсъмъ ужъ собралась, Да позадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала; Вдругъ, сырный духъ Лису остановилъ: Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ. Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ; Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,

И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:

— «Голубушка, какъ хороша! Ну, что за шейка, что за глазки! Разсказывать, такъ, право, сказки!

Какія перышки! Какой носокъ! И, върно, ангельскій быть долженъ голосокъ! Спой, свътикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица, При красотъ такой и пъть ты мастерица,

Въдь ты бъ у насъ была царь-птица»! Въщуньина съ похвалъ вскружилась голова,

Отъ радости въ зобу дыханье сперло, — И на привътливы лисицыны слова Ворона каркнула во все воронье горло: Сыръ выпалъ, — съ нимъ была плутовка такова.

54. Хмѣль.

Хмѣль выбѣжалъ на огородъ, И вкругъ сухой тычинки виться сталъ: А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ. «Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?»
Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмѣль жужжалъ.
«Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ,
Ла что за жесткостъ, что за цвѣтъ!

Хоть листьемъ, правда, онъ одътъ, Да что за жесткость, что за цвътъ! За что его земля питаетъ?»

Межъ тѣмъ, едва недѣля протекаетъ, Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,

А въ огородъ дубокъ пересадилъ, И трудъ ему съ большимъ успъхомъ удается: Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ; Посмотришь, около него мой Хмъль ужъ вьется И дубу отъ него вся честь и похвала!

Такіе-жъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней,
И какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись;
А только въ случай попадись, —
Онъ первый явится въ передней.

55. Роща и Огонь.

Съ разборомъ выбирай друзей, Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ, — Она тебъ лишь яму роетъ. Чтобъ эту истинну понять еще яснъй, Послушай басенки моей. Зимою Огонекъ подъ рощей тлился, Какъ видно, тутъ онъ быль дорожными забытъ. Часъ-отъ-часу Огонь слабъе становился; Дровъ новыхъ нътъ; Огонь мой чуть горитъ, И, видя свой конецъ, такъ рощъ говоритъ:

- «Скажи мнѣ, Роща дорогая! За что твоя такъ участь жестока, Что на тебѣ не видно ни листка, И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?»
- «Затъмъ, что, вся въ снъгу, Зимой ни зеленъть, ни цвъсть я не могу», — Огню такъ роща отвъчаетъ.
  - «Бездѣлица»!
  - Огонь ей продолжаетъ:

«Лишь подружись со мной, тебъ я помогу.

Я — солнцевъ братъ, и зимнею порою Чудесъ не меньше солнца строю.

Спроси въ теплицахъ объ огнъ:

Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ, Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ;

> А все за все спасибо мнѣ. Хвалить себя хоть не пристало, И хвастовства я не люблю;

Но солнцу въ силъ я никакъ не уступлю.

Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало, Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ, А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ. Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою, Какъ лѣтомъ и весною, Дай у себя мнѣ уголокъ!»
Вотъ дѣло слажено: ужъ въ Рощѣ Огонекъ
Становится Огнемъ; Огонь не дремлетъ;
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.

И нечему дивиться: Какъ дереву съ огнемъ дружиться!

56. Левъ, Серна и Лиса.

По дебрямъ гнался Левъ за Серной;
Уже ее онъ настигалъ,
И взоромъ алчнымъ пожиралъ
Объдъ себъ въ ней сытный, върный.
Спастись, казалось, ей нельзя никакъ:
Дорогу обоимъ пересъкалъ оврагъ;
Но Серна легкая всъ силы натянула,
Подобно изъ лука стрълъ,
Надъ пропастью она махнула,
И стала супротивъ на каменной скалъ.
Мой Левъ остановился.

На эту пору другъ его вблизи случился; Другъ этотъ былъ Лиса.

«Какъ?» — говоритъ она: — «съ твоимъ проворствомъ, силой,

Ужели ты уступишь Сернъ хилой?

Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса; Хоть пропасть широка, но если ты захочешь, То, вѣрно, перескочишь.

Повърь же совъсти и дружбъ ты моей: Не стала бы твоихъ отваживать я дней,

Когда бъ не знала

И крѣпости, и легкости твоей».

Тутъ кровь во Львъ вскипъла, заиграла;

Онъ бросился со всъхъ четырехъ ногъ;

Однакожъ пропасти перескочить не могъ;

Стремглавъ слетълъ — и до смерти убился.

А что жъ его сердечный другъ? Онъ потихонечку въ оврагъ спустился, И, видя, что ужъ Льву ни лести, ни услугъ Не надо болъ,

Онъ, на просторѣ и на волѣ, Справлять поминки другу сталъ, И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

57. Мальчикъ и Червякъ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать! У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ, Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать; И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

Крестьянина Червякъ просилъ его пустить Въ свой садъ на лѣто погостить.

Онъ объщалъ вести себя тамъ честно; Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать, И то, которые ужъ стянутъ увядать. Крестьянинъ судитъ: «какъ пристанища не дать? Ужли отъ Червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно? Пускай его себѣ живетъ.

При томъ же важнаго убытку быть не можетъ, Коль онъ листочка два-три сгложетъ.» Позволилъ, и Червякъ на дерево ползетъ; Нашелъ подъ въточкой пріютъ отъ непогодъ;

> Живетъ безъ нужды, хоть не пышно, И про него совсъмъ неслышно.

Межъ тѣмъ ужъ золотитъ плоды лучистый царь.

Вотъ, въ самамъ томъ саду, гдѣ также спѣть все стало, Наливное, сквозное, какъ янтарь,

При солнцъ яблоко на въткъ дозръвало.

Мальчишка былъ давно тъмъ яблокомъ плъненъ:

Изъ тысячи другихъ его замътилъ онъ,

Да доступъ къ яблоку мудренъ, На яблоню мальчишка лѣзть не смѣетъ, Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ, И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ. Кто жъ въ кражѣ мальчику помочь взялся? — Червякъ.

— «Послушай,» говоритъ: — «я знаю это точно, Хозяинъ яблоки велълъ снимать;

Такъ это яблоко обоимъ намъ не прочно;

Однако жъ я берусь его достать; Лишь подълись со мной. Себъ ты можешь взять Противу моего хоть вдесятеро болъ;

А мнъ и самой малой доли
На цълый станетъ въкъ глодать.»
Условье сдълано; мальчишка согласился;
Червякъ — на яблоню и работать пустился;

Онъ яблоко въ минуту подточилъ.
Но что жъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,
И съ съмечками съълъ его мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ Червякъ долой,
То мальчикъ Червяка расплющилъ подъ пятой.
Итакъ ни Червяка, ни яблока не стало.

58. Демьянова уха.

«Сосъдушка, мой свътъ! Пожалуйста, покушай.» — «Сосъдушка, я сытъ по горло.» — «Нужды нътъ, Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» — «Я три тарелки съѣлъ.» — «И, полно, что за счеты; Лишь стало бы охоты.

А то во здравье: ѣшь до дна! Что за уха! Да какъ жирна:

Какъ-будто янтаремъ подернулась она.

Потъшь же, миленькій дружочекъ!

Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ! Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» — Такъ потчевалъ сосъдъ-Демьянъ сосъда-Фоку, И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку; А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.

Однако же еще тарелку онъ беретъ, Сбирается съ послъдней силой, И очищаетъ всю. — «Вотъ друга я люблю!» Вскричалъ Демьянъ: — «зато ужъ чванныхъ не терплю. Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!» Тутъ бъдный Фока мой, Какъ ни любилъ уху, но отъ бъды такой, Схвативъ въ охапку, Кушакъ и шапку, — Скоръй безъ памяти домой, И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

59. Пустынникъ и Медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждъ дорога, Но за нее не всякъ умъетъ взяться: Не дай Богъ съ дуракомъ связаться! Услужливый дуракъ опаснъе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный и одинокій, Вдали отъ города, въ глуши. Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши, А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій: Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить. Мнѣ скажутъ: «а лужокъ, а темная дуброва, Пригорки, ручейки и мурова шелкова?»

— Прекрасны, что и говорить! А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть въчно одному.
Идетъ онъ въ лъсъ толкнуться у сосъдей,
Чтобъ съ къмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лъсу кого набресть,
Кромъ волковъ или медвъдей?

И точно, встрътился съ большимъ Медвъдемъ онъ;

Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу, И милому сосѣдушкѣ — поклонъ.

Сосъдъ ему протягиваетъ лапу,

И, слово-за-слово, знакомятся они,

Потомъ дружатся,

Потомъ не могутъ ужъ расстаться

И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.

О чемъ у нихъ и что бывало разговору,

Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,

И какъ бесъда шла у нихъ,

Я по сію не знаю пору: Пустынникъ быль не говорливъ, Мишукъ съ природы молчаливъ;

Такъ изъ избы не вынесено сору.

Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,

Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.

Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится, И Мишенькой не можетъ нахвалиться.

Однажды вздумалось друзьямъ

Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ И по доламъ, и по горамъ;

А такъ какъ человъкъ медвъдя послабъе,

То и Пустынникъ нашъ скорѣе, Чѣмъ Мишенька, усталъ

И отставать отъ друга сталъ.

То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу: —

— Прилягъ-ка, брать, и отдохни,

Да коли хочешь, такъ сосни;

А я постерегу тебя здѣсь у досугу.»

Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ

Да тотчасъ и заснулъ; А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла: У друга на носъ муха сѣла, — Онъ друга обмахнулъ; Взглянулъ,

А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова У друга на носу,

И неотвязчивъе часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увъсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присълъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!

И, у друга на лбу подкарауля муху,

Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ! Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался, И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

60. Волкъ и журавль.

Что Волки жадны всякій знаетъ: Волкъ, ѣвши, никогда Костей не разбираетъ.

Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда: Онъ костью чуть не подавился.

Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть; Пришло хоть ноги протянуть! По счастью, близко тутъ Журавль случился.

Вотъ, кой-какъ знаками сталь волкъ его манить И проситъ горю пособить.

Журавль свой носъ по шею

Засунулъ къ Волку въ пасть, и съ трудностью большою Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.

— «Ты шутишь!» — звѣрь вскричалъ коварный: —

«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный! А это ничего, что свой ты долгій носъ И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ! Поди жъ, пріятель, убирайся, Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся.»

61. Крестьянинъ и работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,

То рады мы тому молиться,

Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ-же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ подъ вечеръ, лѣскомъ,
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него Медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.

— «Степанушка родной, не выдай, милый!» Изъ подъ Медвъдя онъ взмолился Батраку. Вотъ, новый Геркулесъ *, со всей собравшись силой Что только было въ немъ,

Отнесъ полчерепа медвъдю топоромъ, И брюхо прокололъ ему желъзной вилой.

Медвъдь взревълъ и замертво упалъ; Медвъдь мой издыхаетъ.

Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ, И онъ же Батрака ругаетъ.

Опъшилъ бъдный мой Степанъ.

— «Помилуй», — говоритъ: — «за что?» — «За что, болванъ!

Чему обрадовался сдуру? Знай, колетъ: всю испортилъ шкуру!»

62. Собака, Человъкъ, Кошка и Соколъ.

Собака, Человѣкъ да Кошка, да Соколъ Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной, Нелестной, искренней, чистосердечной. У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ; Клялись дѣлить они и радость, и заботу,

Другъ другу помогать, Другъ за друга стоять, И, если надо, — другъ за друга умирать. Вотъ какъ-то вмъстъ всъ, отправясь на охоту, Мои друзья

^{*} Геркулесъ — сказочный богатырь, необыкновенный силачъ.

Далеко отъ дому отбились, Умаялися; утомились, И отдохнуть пристали у ручья. Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя;

> Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть На нихъ Медвѣдь, разинувъ пасть. Бѣду такую видя,

Соколъ — на воздухъ, Кошка въ лѣсъ. И человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился, Но вѣрный Песъ

Со звъремъ злымъ барахтаться схватился, Въ него вцъпился,

И какъ Медвѣдь его жестоко ни ломалъ, Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости, Песъ, прохватя его до кости,

Повисъ на немъ, и зубъ не разжималъ, Доколъ съ жизнію всъхъ силъ не потерялъ.

А Человѣкъ? — Къ стыду, изъ насъ не всякій Сравнится въ вѣрности съ собакой, — Пока Медвѣдь былъ занятъ дракой, Онъ, подхватя ружье свое съ собой,

Пустился безъ души домой.

На языкѣ легка и ласка, и услуга; Но въ нуждѣ лишь узнать прямого можно друга.

Какъ ръдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видълъ я,
Что, такъ какъ въ баснъ сей былъ върный Песъ
оставленъ,

Такъ тотъ, Кто изъ хлопотъ Былъ другомъ вырученъ, избавленъ, Его же покидалъ въ бѣдѣ, Его же и ругалъ вездѣ.

63. Лебедь, Щука и Ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ, — На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ, И выйдетъ изъ него не дѣло, — только мука.

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ — судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

64. Раздѣлъ.

Имъя общій домъ и общую контору, Какіе-то честные торгаши Наторговали денегъ гору; Окончили торги и дълятъ барыши. Но въ дълежъ когда безъ спору? Заводятъ шумъ они за деньги за товаръ, Какъ вдругъ кричатъ, что въ домъ ихъ пожаръ. — «Скоръй, скоръй спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: — «ступайте,
А счеты послъ мы сведемъ!»
— «Мнъ только тысячу мою сперва додайте», —
Шумитъ другой:

«Я съ мъста не сойду долой».

— «Мн $\pm$ дв $\pm$ не додано, а вот $\pm$ тут $\pm$ счеты ясны!» Еще один $\pm$ кричит $\pm$. — «Н $\pm$ т $\pm$, н $\pm$ т $\pm$; мы не согласны!

Да какъ, за что и почему»?
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумъли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всъ они со всъмъ добромъ своимъ сгоръли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй, Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ, Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй, Всякъ споры затѣваетъ О выгодѣ своей.

ДОБРО и ЗЛО ОБЩЕСТВЕННОЕ.

І. Себялюбіе, лицемърная и глупая доброта.

65. Лягушка и Юпитеръ *

Живущая въ болотъ, подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла тамъ тинистый въ лощинкъ уголокъ
И завела домокъ
Подъ кустикомъ, въ тъни, межъ травки, какъ раекъ.
Однако жъ имъ она не долго веселилась:

Настало лѣто, съ нимъ жары, И дачи квакушки такъ сдѣлалися сухи, Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.

— «О, боги!» — молится Лягушка изъ норы: —
 «Меня вы бъдную не погубите,

«И землю вровень хоть съ горою затопите:

«Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда «Не высыхала бы вода!»

Лягушка вопитъ безъ умолку, И, наконецъ, Юпитера бранитъ, Что нъту въ немъ ни жалости, ни толку.

«Безумная!» — Юпитеръ говоритъ (Знать, не былъ онъ тогда сердитъ):

^{*} Юпитеръ — сказочный богъ, повелитель вселенной.

Какъ квакать попусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ стащиться до болота?»

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ, Которымъ все, кромѣ себя, постыло, И кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было, А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

66. Добрая Лисица.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ. Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое; Но нѣтъ; за ней еще должны погибнуть трое: Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ, Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ, Малютки терпятъ голодъ

И холодъ

И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
— «Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя;

И сердце чье объ нихъ не заболитъ?» — Лисица птицамъ говоритъ,

На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
— «Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:

Вы этимъ жизнь имъ сохраните; Что дъла добраго святъй!

Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь: Не лучше ль дать себя немножко ощипать, И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать?

Въдь попусту жъ его ты растеряешь.

Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ Тебѣ кувыркаться, кружиться, Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ, Чтобъ съ сиротами подѣлиться. Ты, горлинка, — твои птенцы ужъ подросли, Промыслить кормъ они и сами бы могли:

Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ Берегъ.

Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ, Полакомить безродныхъ крошекъ.

А ты бы, милый соловей, — Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ,— Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ*,

Ты бъ убаюкивалъ ихъ пъсенкой своей.

Такою нѣжностью, я твердо вѣрю, Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю. Послушайте жъ меня: докажемъ, что въ лѣсахъ Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ,

Малютки бѣдныя всѣ трое, Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ, Попадали къ Лисѣ нанизъ. Что жъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла

_

 $^{^*}$ Зефиръ — легкій вътерокъ.

И поученья не допъла.

Читатель, не дивись!

Кто добръ по истинѣ, — не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другого,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого;
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ —
Сродни моей лисѣ.

67. Туча.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною Большая Туча пронеслась; Ни каплею ея не освѣжа одною, Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась И щедростью своей хвалилась предъ Горою.

— «Что сдѣлала добра Ты щедростью такою?» — Сказала ей Гора: —

«И какъ смотръть на то не больно! «Когда бы на поля свой дождь ты пролила, «Ты бъ область цълую отъ голода спасла; «А въ моръ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.»

II. Воровство.

68. Пастухъ.

У Саввы-пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ), Вдругъ убывать овечки стали.

Нашъ молодецъ

Въ кручинъ и въ печали;

Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,

Что страшный показался волкъ,

Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада,

И безпощадно ихъ деретъ.

— «И не диковина,» — твердитъ народъ: — «Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»

Вотъ волка стали стеречи.

Но отчего жъ у Саввушки въ печи

То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?

(Изъ поваренковъ, за грѣхи,

Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;

Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей). За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;

Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ. Друзья! пустой вашъ трудъ: на волка только слава,

А ѣстъ овецъ-то Савва.

69. Котъ и Поваръ.

Какой-то Поваръ-грамотей, Съ поварни побѣжалъ своей Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ, И въ этотъ день по кумъ тризну правилъ), А дома стеречи съъстное отъ мышей Кота оставилъ.

Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу Объѣдки пирога, а Васька-котъ въ углу,

Припавъ за уксуснымъ боченкомъ, Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.

— «Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!» — Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ — «Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?» (А Васька все-таки курченка убираетъ).

«Какъ! бывъ честнымъ Котомъ до этихъ поръ, «Бывало, за примъръ тебя смиренство кажутъ,

«А ты... ахти, какой позоръ!

«Теперя всѣ сосѣди скажутъ:

«Котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!

«И Ваську де, не только что въ поварню,

«Пускать не надо и на дворъ,

«Какъ волка жаднаго въ овчарню;

«Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!» (А Васька слушаетъ да ѣсть).

Тутъ риторъ мой, * давъ волю словъ теченью, Не находилъ конца нравоученью.

Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ, Котъ-Васька все жаркое съѣлъ,

А я бы повару иному

^{*} *Риторъ* — здѣсь значитъ — краснорѣчивый человѣкъ, краснобай.

Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить, — Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому. Гдѣ нужно власть употребить.

70. Собака.

У Барина была Собака шаловлива,

Хоть нужды не было Собаки той ни въ чемъ.

Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы красть;
Но ужъ у ней была такая страсть:
Что изъ мясного ни достанетъ,
Въ минуту стянетъ.

Хозяинъ сладитъ съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился,
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.

— «Послушай», — говоритъ: — «хоть, кажется, ты строгъ,

«Но ты лишь красть Собаку пріучаешь, «Затѣмъ, что краденый кусокъ «Всегда ей оставляешь: «А ты впередъ ее хоть меньше бей, «Да кражу отнимай у ней». Едва лишь на себъ Собака испытала Совътъ разумный сей, — Шалить Собака перестала.

71. Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, Не въ гости, но животъ спасая; За шкуру онъ свою дрожалъ:

Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.

Онъ радъ бы въ первыя шмыгнуть тутъ ворота,

Да то лишь горе, Что всѣ ворота на запорѣ, Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ

И молитъ: — «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе, Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе, Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ? Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ Все это вѣдь за мной». — «Проси скорѣй Степана; Мужикъ предобрый онъ», — котъ-Васька говоритъ.

- «То такъ; да у него я ободралъ барана».
  - «Ну, попытайся жъ у Демьяна».
- «Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
  - Я у него унесъ козленка».
  - «Бъги жъ вонъ тамъ живетъ Трофимъ».
- «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!»
- «Ну, плохо жъ! Но авось тебя укроитъ Климъ!»
- «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка.»
- «Что вижу, кумъ, ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!» Сказалъ тутъ Васька волку: —

«Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ? Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку, Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они. И правы, — самъ себя вини: Что ты посѣялъ, — то и жни.»

72. Волкъ на псарнъ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню, Попалъ на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ. Почуя съраго такъ близко забіяку,

Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку,

Псари кричатъ: — «Ахти, ребята, воръ!» И вмигъ ворота на запоръ;

Въ минуту псарня стала адомъ.

Бъгутъ: — иной съ дубьемъ, Иной съ ружьемъ.

— «Огня!» — кричатъ — «огня!» — Пришли съ огнемъ.

Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ; Зубами щелкая, и ощетиня шерсть,

Глазами, кажется, хотълъ бы всъхъ онъ съъсть; Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ.

> И что приходитъ, наконецъ, Ему разсчесться за овецъ, Пустился мой хитрецъ Въ переговоры

И началъ такъ: — «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ? Я вашъ старинный сватъ и кумъ, Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры, Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!

А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,

Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосъдъ,» —
Тутъ ловчій перервалъ въ отвътъ: —
«Ты съръ, а я пріятель, съдъ
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ Волками иначе не дълать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.»
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

73. Волкъ и Пастухи.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежать,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
— «Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я!»

III. Корыстный и пристрастный судъ.

74. Крестьяне и Рѣка.

Крестьяне вышедъ изъ терпънья

Отъ разоренья, Что Ръчки имъ и Ручейки При водопольи причиняли, Пошли просить себъ управы у ръки, Въ которую Ручьи и Ръчки тъ впадали.

И было что на нихъ донесть:

Гдѣ озими разрыты;

Гдѣ мельницы посорваны и смыты; Потоплено скота, что и не счесть!

А та Рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно; На ней стоятъ большіе города,

И никогда

За ней такихъ проказъ не слышно;

Такъ, върно, ихъ она уйметъ,

Между собой крестьяне разсуждали.

Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе стали

И посмотрѣли, такъ узнали,

Что половину ихъ добра по ней несетъ.

Тутъ, попусту не заводя хлопотъ, Крестьяне лишь его глазами проводили;

Потомъ взглянулись межъ собой, И, покачавши головой,

Пошли домой;

А отходя проговорили:

— «На что и время тратить намъ! «На младшихъ не найдешь себъ управы тамъ, «Гдъ дълятся они со старшимъ пополамъ.»

75. Щука.

На Щуку поданъ въ судъ доносъ, Что отъ нея житья въ прудѣ не стало;

Уликъ представленъ цѣлый возъ, И виноватую, какъ надлежало, На судъ въ большой лохани принесли. Судьи невдалекѣ сбирались:

На ближнемъ ихъ лугу пасли; Однако жъ имена въ архивъ ихъ остались:

То были два Осла,

Двѣ клячи старыя да два иль три Козла; Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора, Имъ придана была Лиса за прокурора.

И слухъ между народу шелъ, Что Щука Лисанькъ снабжала рыбный столъ; Со всъмъ тъмъ не было въ судьяхъ лицепріязни;

И то сказать, что Щукиныхъ проказъ Удобства не было закрыть на этотъ разъ: Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ, Чтобъ виноватую предать позорной казни

И, въ страхъ другимъ, повъсить на суку.
— «Почтенные судьи!» — Лиса тутъ приступила: «Повъсить мало; я бъ ей казнь опредълила, Какой не видано здъсь на въку:

Чтобъ было впредь плутамъ и страшно, и опасно, Такъ утопить ее въ рѣкѣ.» — «Прекрасно!» Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно, И Щуку бросили въ рѣку!

76. Мірская сходка.

Какой порядокъ ни затъй, Но если онъ въ рукахъ безсовъстныхъ людей, — Они всегда найдутъ уловку, Чтобъ сдълать тамъ, гдъ имъ захочется, сноровку.

Въ овечьи старосты у Льва просился Волкъ. Стараньемъ Кумушки-лисицы Словцо о немъ замолвлено у Львицы: Но такъ какъ о волкахъ худой на свътъ толкъ, И не сказали бы, что смотритъ Левъ на лицы, То велѣно звѣриный весь народъ Созвать на общій сходъ И разспросить того, другого, Что въ Волкъ добраго онъ знаетъ иль худого. Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны; На сходкъ голоса чинъ-чиномъ собраны, Но противъ Волка нътъ ни слова, И Волка велѣно въ овчарню посадить. Да что же Овцы говорили? На сходкъ въдь онъ, ужъ върно, были? — Вотъ то-то нътъ! Овецъ-то и забыли! А ихъ-то бы всего нужнъй спросить.

77. Волки и Овцы.

Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья не стало, И до того, что наконецъ Правительство звѣрей благія мѣры взяло

Вступиться за спасеніе Овець: И учрежденъ совътъ на сей конецъ. Большая часть въ немъ, правда, были Волки; Но не о всъхъ Волкахъ въдь злые толки:

Видали и такихъ Волковъ, и многократъ, — Примъры эти не забыты, — Которые ходили близко стадъ Смирнехонько, когда бывали сыты;

Такъ почему жъ волкамъ въ совътъ и не быть? Хоть надобно Овецъ оборонить, Но и Волковъ не вовсе жъ притъснить.

Вотъ, засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли; Судили, думали, рядили, И наконецъ придумали законъ.

Вотъ вамъ, отъ слова въ слова, онъ:

«Какъ скоро Волкъ у стада забуянитъ,

И обижать онъ Овцу станетъ, То Волка тутъ властна Овца,

Не разбираючи лица,

Схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить, Въ сосѣдній лѣсъ иль въ боръ.»

Въ законъ нечего прибавить, ни убавить;

Да только я видалъ до этихъ поръ — Хоть, говорятъ, Волкамъ и не спускаютъ, — Что будь Овца отвътчикъ иль истецъ,

А только Волки все-таки Овецъ Въ лѣса таскаютъ.

78. Слонъ на воеводствъ.

Кто знатенъ и силенъ, Да не уменъ, Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводствѣ былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ. Хоть, кажется, Слоновъ и умная порода, Однако же въ семьѣ не безъ урода: Нашъ воевода

Въ родню былъ толстъ, Да не въ родню былъ простъ;

А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.

Вотъ добрый воевода видитъ, —
Вступило отъ Овецъ прошеніе въ приказъ:
«Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.»
— «О, плуты!» Слонъ кричитъ: — «какое

преступленье!

Кто грабить даль вамъ позволенье?» А Волки говорятъ: — «Помилуй, нашъ отецъ! Не ты ль намъ къ зимъ на тулупы: Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ Овецъ?

А что онъ кричатъ, такъ Овцы глупы: Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуръ снять Да и того имъ жаль отдать.»

— «Ну то-то жъ,» — говоритъ имъ Слонъ: — «смотрите

Неправды я не потерплю ни въ комъ: По шкуръ, такъ и быть, возьмите, А больше ихъ не троньте волоскомъ.»

IV. Общественное значеніе разныхъ званій и состояній.

79. Собака и Лошадь.

У одного крестьянина служа — Собака съ Лошадью считаться какъ-то стали. — «Вотъ,» — говоритъ Барбосъ: — «большая госпожа! «По мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали. «Велика вещь возить или пахать! «Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать, «И можно ли тебѣ ровняться въ чемъ со мною? «Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою: «Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу, «А ночью домъ я стерегу.» — «Конечно.» — Лошадь отвѣчала: — «Твоя правдива рѣчь; Однако же, когда бъ я не пахала,

80. Овцы и Собаки.

Въ какомъ-то стадѣ у Овецъ,
Чтобъ Волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число Собакъ умножить.
Что жъ? Развелось ихъ столько, наконецъ,
Что Овцы отъ Волковъ, то правда, уцѣлѣли;
Но и Собакамъ надо жъ ѣсть:
Сперва съ Овечекъ сняли шерсть,

То нечего бъ тебъ здъсь было и стеречь.»

А тамъ, по жребію, съ нихъ шкуры полетѣли, А тамъ осталося всего Овецъ пять-шесть, И тѣхъ Собаки съѣли.

81. Листы и Корни.

Въ прекрасный лѣтній день, Бросая по долинъ тънь, Листы на деревъ съ зефирами шептали *; Хвалились густотой, зеленостью своей, И вотъ какъ о себъ зефирамъ толковали: «Не правда ли, что мы краса долины всей? «Что нами дерево такъ пышно и кудряво, «Раскидисто и величаво? «Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право, «Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха! «Не мы ль отъ зноя пастуха «И странника въ тъни прохладой укрываемъ? «Не мы ль красивостью своей «Плясать сюда пастушекъ привлекаемь? «У насъ же раннею и позднею зарей «Насвистываетъ соловей. «Да вы, зефиры, сами «Почти не разстаетесь съ нами.»

«Промолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,» — Имъ голосъ отвъчалъ изъ-подъ земли смиренно — «Кто смъетъ говорить столь нагло и надменно?
 «Вы кто такія тамъ,

^{*} Зефиръ — легкій вѣтерокъ.

«Что дерзко такъ считаться съ нами стали? Листы, по дереву шумя, залепетали.

— «Мы тѣ,

Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ, Питаемъ васъ. Ужель не узнаете? Мы Корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.

Красуйтесь въ добрый часъ! Да только помните ту разницу межъ насъ: Что съ новою весной Листъ новый народится;

> А если Корень изсушится; — Не станетъ дерева, ни васъ».

82. Пушки и Паруса.

На Кораблѣ у Пушекъ съ Парусами Возстала страшная вражда. Вотъ Пушки, выставись изъ бортовъ вонъ носами, Роптали такъ предъ небесами:

— «О, боги! видано ль когда, «Чтобы ничтожное холстинное творенье «Ровняться въ пользахъ намъ имъло дерзновенье? «Что дълаютъ они во весь нашъ трудный путь?

«Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,

«Они, надувъ спесиво грудь,

«Какъ будто важнаго какого сану,

«Несутся гоголемъ по океану,

«И только чванятся; а мы громимъ въ бояхъ!

«Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?

«Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ? «Нътъ, не хотимъ жить болъ съ Парусами;

«Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами; «Лети же, помоги, могущій намъ Борей *, «И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!» Борей послушался: летитъ, дохнулъ, и вскорѣ Насупилось и почернѣло море; Покрылись тучею тяжелой небеса; Валы вздымаются и рушатся, какъ горы; Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры; Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.

Не стало ихъ; утихла непогода; Но что жъ? Корабль безъ Парусовъ Игрушкой сталъ и вътровъ, и воловъ, И носится онъ въ моръ, какъ колода;

А въ первой встръчъ со врагомъ, Который вдоль его всъмъ бортомъ страшно грянулъ, Корабль мой недвижимъ, сталъ скоро ръшетомъ, И съ Пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

Держава всякая сильна, Когда устроены въ ней всъ премудро части: Оружіемъ — врагамъ она грозна, А паруса — гражданскія въ ней власти.

83. Гуси.

Предлинной хворостиной Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать; И, правду истинну сказать,

^{*} *Борей* — сильный вѣтеръ.

Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный: На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню (А гдѣ до прибыли коснется,

Не только тамъ Гусямъ, — и людямъ достается).

Я мужика и не виню;

Но Гуси иначе объ этомъ толковали

И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути, Вотъ какъ на мужика пепяли:

«Гдъ можно насъ, Гусей, несчастнъе найти?

«Мужикъ такъ нами помыкаетъ,

«И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;

«А этого не смыслитъ неучъ сей

«Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ; «Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей, «Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ; Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!» *
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ Прохожій ихъ. — «Да наши предки...» — «Знаю,

И все читалъ, но вѣдать я желаю, Вы сколько пользы принесли?»

- «Да наши предки Римъ спасли!»
- «Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»
- «Мы? ничего»! Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть?

Оставьте пръдковъ вы въ покоъ: Имъ подъломъ была и честь; А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

^{*} По преданію, — гуси въ древности Римъ спасли, поднявъ переполохъ, когда къ городу подступалъ врасплохъ непріятель.

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить; Да чтобъ гусей не раздразнить.

84. Водопадъ и Ручей.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ, Цълебному Ключу съ надменностью сказалъ (Который подъ горой едва лишь былъ примътенъ, Но силой славился лъчебною своей): — «Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бъденъ,

«А у тебя всегда премножество гостей? «Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивится; «Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?» — «Лѣчиться,» — Смиренно прожурчалъ Ручей.

85. Орелъ и Пчела.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,

Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:

— «Какъ ты, бѣдняжка мнѣ жалка, «Со всей твоей работой и съ умѣньемъ! «Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:

«Да кто же послѣ разберетъ «И отличитъ твои работы?

«Я, право, не пойму охоты

«Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду? — «Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!

«Какая разница межъ нами! «Когда, расширяся шумящими крылами, «Ношуся я подъ облаками,

«То всюду разсѣваю страхъ: «Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться, «Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ, «Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,

«Меня завидя, показаться.» Пчела отвътствуетъ: — «Тебъ хвала и честь! Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты! * А я, родясь труды для общей пользы несть,

Не отличать ищу свои работы, Но утъшаюсь тъмъ, на наши смотря соты, Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.»

86. Пчела и Мухи.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе краи И стали подзывать съ собой туда Пчелу:

^{*} Зевесъ – сказочный богъ.

Имъ насказали попугаи О дальнихъ сторонахъ большую похвалу. Притомъ же имъ самимъ казалося обидно,

Что ихъ, на родинъ своей,

Вездѣ гонютъ изъ гостей;

И даже до чего (какъ людямъ-то не стыдно,

И что они за чудаки!):

Чтобъ поживиться имъ не дать сластями За пышными столами,

Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;

А въ хижинахъ на нихъ — злодѣи-пауки.

— «Путь добрый вамъ,» — Пчела на это отвъчала: — «А мнъ

«И на моей пріятно сторонъ.

«Отъ всъхъ за соты я любовь себъ сыскала,

«Отъ поселянъ и до вельможъ.

«Но вы летите,

«Куда хотите!

«Вездѣ вамъ будетъ счастье то жъ:

«Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны, «Вы ни почтенны, ни любезны;

«А рады пауки лишь будутъ вамъ «И тамъ.»

Кто съ пользою отечеству трудится,

Тотъ съ нимъ легко не разлучится; А кто полезнымъ быть способности лишенъ, Чужая сторона тому всегда пріятна: Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ, И никому его тамъ праздность не досадна.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ	4
Содержаніе избранныхъ басенъ Крылова	9
ДОБРО И ЗЛО ДЛЯ СЕБЯ САМОГО	28
I. Невниманіе къ своимъ недостаткамъ	28
1. Зеркало и Обезьяна	28
2. Любопытный	29
3. Лисица и Виноградъ	30
4. Волкъ и Кукушка	30
5. Два мужика	32
II. Глупая нерасчетливость и алчность	33
6. Лиса	33
7. Мельникъ	34
8. Скупой и Курица	35
9. Фортуна и Нищій	36
10. Бѣдный богачъ	38
III. Хвастовство, похвальба	41
11. Обозъ	41
12. Чижъ и Голубь	42
13. Заяцъ на ловлѣ	43
14 Лженъ	44

	15. Синица	46
	16. Слонъ и Моська.	47
	17. Кукушка и Пѣтухъ	. 48
	18. Муравей	49
	19. Двѣ бочки	50
I۷	V. Неразумная переимчивость	51
	20. Скворецъ.	51
	21. Щука и Котъ	52
	22. Ворона	53
	23. Лягушка и Волъ.	55
	24. Обезьяны	56
V	. Невѣжество	57
	25. Квартетъ.	57
	26. Оселъ и Соловей.	. 59
	27. Пѣтухъ и Жемчужное зерно	. 60
	28. Мартышка и Очки	61
	29. Свинья подъ дубомъ.	. 62
V	 Бездълье, трудъ полезный и безполезный 	. 63
	30. Муха и Пчела	. 63
	31. Обезьяна	. 64
	32. Бѣлка	65
	33. Паукъ и Пчела	. 66

34. Трудолюбивый Медвѣдь	67
35. Двѣ собаки	68
36. Стрекоза и Муравей	69
37. Старикъ и трое молодыхъ	70
38. Прудъ и Рѣка	72
ДОБРО И ЗЛО ДЛЯ ДРУГОГО	75
I. Взаимное отношеніе между сильнымъ и	слабымъ.
	75
39. Мышь и Крыса	75
40. Левъ и Лисица	75
41. Левъ и Волкъ	76
42. Левъ на ловлѣ	76
43. Волкъ и Ягненокъ	77
44. Моръ Звѣрей	79
45. Орелъ и Кротъ	82
46. Левъ и Мышь	83
47. Левъ и Комаръ	85
48. Левъ состаръвшійся	86
II. Дружба, товарищество	87
49. Крестьянинъ и Змѣя	87
50. Волкъ и Лисица	88
51. Крестьянинъ въ бѣдѣ	89

52. Собачья дружба	90
53. Ворона и Лисица	92
54. Хмѣль	93
55. Роща и Огонь	94
56. Левъ, Серна и Лиса	96
57. Мальчикъ и Червякъ	97
58. Демьянова уха	99
59. Пустынникъ и Медвѣдь	100
60. Волкъ и журавль	102
61. Крестьянинъ и работникъ	103
62. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ	104
63. Лебедь, Щука и Ракъ	106
64. Раздѣлъ	106
ДОБРО и ЗЛО ОБЩЕСТВЕННОЕ	108
I. Себялюбіе, лицемѣрная и глупая доброта	108
65. Лягушка и Юпитеръ	108
66. Добрая Лисица	109
67. Туча	111
II. Воровство.	112
68. Пастухъ	112
69. Котъ и Поваръ	112
70. Собака	114

71. Волкъ и Котъ	115
72. Волкъ на псарнѣ	116
73. Волкъ и Пастухи	117
III. Корыстный и пристрастный судъ	117
74. Крестьяне и Рѣка	117
75. Щука	119
76. Мірская сходка	120
77. Волки и Овцы	120
78. Слонъ на воеводствъ	122
IV. Общественное значеніе разныхъ званій	и
состояній.	123
79. Собака и Лошадь.	123
8о. Овцы и Собаки	123
81. Листы и Корни	124
82. Пушки и Паруса	125
83. Гуси	126
84. Водопадъ и Ручей	128
85. Орелъ и Пчела	128
86. Пчела и Мухи.	129

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое

было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкъ научно-проектной документаціи.

Если Вы имъете возможность помочь намъ въ дълъ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счеть получателя: 40703810655100000343 въ Съверо-Западномъ банкъ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.

Счёть Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653. Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олег Лавров) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступять на расчетный счеть.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]